

Аркадий Аверченко Шутка мецената

Автобиография

Еще за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на белый свет. Это само по себе пустячное указание я делаю лишь потому, что желаю опередить на четверть часа всех других замечательных людей, жизнь которых с утомительным однообразием описывалась непременно с момента рождения. Ну, вот.

Когда акушерка преподнесла меня отцу, он с видом знатока осмотрел то, что я из себя представлял, и воскликнул:

– Держу пари на золотой, что это мальчишка!

«Старая лисица! – подумал я, внутренне усмехнувшись. – Ты играешь наверняка».

С этого разговора и началось наше знакомство, а потом и дружба.

Из скромности я остерегусь указать на тот факт, что в день моего рождения звонили в колокола и было всеобщее народное ликование. Злые языки связывали это ликование с каким-то большим праздником, совпавшим с днем моего появления на свет, но я до сих пор не понимаю, при чем здесь еще какой-то праздник?

Приглядевшись к окружающему, я решил, что мне нужно первым долгом вырасти. Я исполнил это с таким тщанием, что к восьми годам увидел однажды отца берущим меня за руку. Конечно, и до этого отец неоднократно брал меня за указанную конечность, но предыдущие попытки являлись не более как реальными симптомами отеческой ласки. В настоящем же случае он, кроме того, нахлобучил на головы себе и мне по шляпе – и мы вышли на улицу.

– Куда это нас черти несут? – спросил я с прямизной, всегда меня отличавшей.

– Тебе надо учиться.

– Очень нужно! Не хочу учиться.

– Почему?

Чтобы отвязаться, я сказал первое, что пришло в голову:

– Я болен.

– Что у тебя болит?

Я перебрал на память все свои органы и выбрал самый нежный:

– Глаза.

– Гм... Пойдем к доктору.

Когда мы явились к доктору, я наткнулся на него, на его пациента и спалил маленький столик.

– Ты, мальчик, ничего решительно не видишь?

– Ничего, – ответил я, утаив хвост фразы, который докончил и уме: «...хорошего в ученьи».

Так я и не занимался науками.

* * *

Легенда о том, что я мальчик больной, хилый, который не может учиться, росла и укреплялась, и больше всего заботился об этом я сам.

Отец мой, будучи по профессии купцом, не обращал на меня никакого внимания, так как по горло был занят хлопотами и планами: каким бы образом поскорее разориться? Это было мечтой его жизни, и, нужно отдать ему полную справедливость – добрый старик достиг своих стремлений самым безукоризненным образом. Он это сделал при соучастии целой плеяды воров, которые обворовывали его магазин, покупателей, которые брали исключительно и планомерно в долг, и – пожаров, испепелявших те из отцовских товаров, которые не были растащены ворами и покупателями.

Воры, пожары и покупатели долгое время стояли стеной между мной и отцом, и я так и остался бы неграмотным, если бы старшим сестрам не пришла в голову забавная, сулившая им массу новых ощущений мысль: заняться моим образованием. Очевидно, я представлял из себя лакомый кусочек, так как из-за весьма сомнительного удовольствия осветить мой ленивый мозг све-

том знания сестры не только спорили, но однажды даже вступили врукопашную, и результат схватки – вывихнутый палец – нисколько не охладил преподавательского пыла старшей сестры Любы.

Так – на фоне родственной заботливости, любви, пожаров, воров и покупателей – совершался мой рост и развивалось сознательное отношение к окружающему.

* * *

Когда мне исполнилось 15 лет, отец, с сожалением распроставшийся с ворами, покупателями и пожарами, однажды сказал мне:

– Надо тебе служить.

– Да я не умею, – возразил я, по своему обыкновению, выбирая такую позицию, которая могла гарантировать мне полный и безмятежный покой.

– Вздор! – возразил отец. – Сережа Зельцер не старше тебя, а он уже служит!

Этот Сережа был самым большим кошмаром моей юности. Чистенький, аккуратный немчик, наш сосед по дому, Сережа с самого раннего возраста ставился мне в пример как образец выдержанности, трудолюбия и аккуратности.

– Посмотри на Сережу, – говорила печально мать. – Мальчик служит, заслуживает любовь начальства, умеет поговорить, в обществе держится свободно, на гитаре играет, поет... А ты?

Обескураженный этими упреками, я немедленно подходил к гитаре, висевшей на стене, держал струну, начинал визжать пронзительным голосом какую-то неведомую песню, старался «держаться свободнее», шаркая ногами по стенам, но все это было слабо, все было второго сорта. Сережа оставался недосыгаем!

– Сережа служит, а ты еще не служишь... – упрекнул меня отец.

– Сережа, может быть, дома лягушек ест, – возразил я, подумав. – Так и мне прикажете?

– Прикажу, если понадобится! – гаркнул отец, стуча кулаком по столу. – Черрт возьми! Я сделаю из тебя шелкового!

Как человек со вкусом, отец из всех материй предпочитал шелк, и другой материал для меня казался ему неподходящим.

* * *

Помню первый день моей службы, которую я должен был начать в какой-то сонной транспортной конторе по перевозке кладей.

Я забрался туда чуть ли не в восемь часов утра и застал только одного человека, в жилете, без пиджака, очень приветливого и скромного.

«Это, наверное, и есть главный агент», – подумал я.

– Здравствуйте! – сказал я, крепко пожимая ему руку. – Как делишки?

– Ничего себе. Садитесь, поболтаем!

Мы дружески закурили папиросы, и я завел дипломатичный разговор о своей будущей карьере, рассказав о себе всю подноготную.

Неожиданно сзади нас раздался резкий голос:

– Ты что же, болван, до сих пор даже пыли не стер?!

Тот, в ком я подозревал главного агента, с криком испуга вскочил и схватился за пыльную тряпку. Начальнический голос вновь пришедшего молодого человека убедил меня, что я имею дело с самым главным агентом.

– Здравствуйте, – сказал я. – Как живете-можете? (Общительность и светскость по Сереже Зельцеру.)

– Ничего, – сказал молодой господин. – Вы наш новый служащий? Ого! Очень рад!

Мы дружески разговорились и даже не заметили, как в контору вошел человек средних лет, схвативший молодого господина за плечо и резко крикнувший во все горло:

– Так-то вы, дьявольский дармоед, заготавливаете реестра? Выгоню я вас, если будете лодыр-

ничать!

Господин, принятый мною за главного агента, побледнел, опустил печально голову и побрел за свой стол. А главный агент опустился в кресло, откинулся на спинку и стал преважно расспрашивать меня о моих талантах и способностях.

«Дурак я, – думал я про себя. – Как я мог не разобрать раньше, что за птицы мои предыдущие собеседники. Вот этот начальник – так начальник! Сразу уж видно!»

В это время в передней послышалась возня.

– Посмотрите, кто там, – попросил меня главный агент. Я выглянул в переднюю и успокоительно сообщил:

– Какой-то плюгавый старичишка стягивает пальто. Плюгавый старичишка вошел и закричал:

– Десятый час, а никто из вас ни черта не делает!! Будет ли когда-нибудь этому конец?!

Предыдущий важный начальник подскочил в кресле как мяч, а молодой господин, названный им до того лодырем, предупредительно сообщил мне на ухо:

– Главный агент притащился. Так я начал свою службу.

* * *

Прослужил я год, все время самым постыдным образом плетясь в хвосте Сережи Зельцера. Этот юноша получал 25 рублей в месяц, когда я получал 15, а когда и я дослужился до 25 рублей – ему дали 40. Ненавидел я его, как какого-то отвратительного, вымытого душистым мылом паука...

Шестнадцати лет я расстался со своей сонной транспортной конторой и уехал из Севастополя (забыл сказать – это моя родина) на какие-то каменноугольные рудники. Это место было наименее для меня подходящим, и потому, вероятно, я и очутился там по совету своего опытного в житейских передрыгах отца...

Это был самый грязный и глухой рудник в свете. Между осенью и другими временами года разница заключалась лишь в том, что осенью грязь была там выше колен, а в другое время – ниже.

И все обитатели этого места пили как сапожники, и я пил не хуже других. Население было такое небольшое, что одно лицо имело целую уйму должностей и занятий. Повар Кузьма был в то же время и подрядчиком и попечителем рудничной школы, фельдшер был акушеркой, а когда я впервые пришел к известнейшему в тех краях парикмахеру, жена его просила меня немного обождать, так как супруг ее пошел вставлять кому-то стекла, выбитые шахтерами в прошлую ночь.

Эти шахтеры (углекопы) казались мне тоже престранным народом: будучи, большей частью, беглыми с каторги, паспортов они не имели, и отсутствие этой неременной принадлежности российского гражданина заливали с горестным видом и отчаянием в душе целым морем водки.

Вся их жизнь имела такой вид, что рождались они для водки, работали и губили свое здоровье непосильной работой – ради водки и отправлялись на тот свет при ближайшем участии и помощи той же водки.

Однажды ехал я перед Рождеством с рудника в ближайшее село и видел ряд черных тел, лежавших без движения на всем протяжении моего пути; попадались по двое, по трое через каждые 20 шагов.

– Что это такое? – изумился я.

– А шахтеры, – улыбнулся сочувственно возница. – Горилку куповалы у селе. Для Божьего праздничку.

– Ну?

– Так не донесли. На мисти высмоктали. Ось как!

Так мы и ехали мимо целых залежей мертвецки пьяных людей, которые обладали, очевидно, настолько слабой волей, что не успевали даже добежать до дому, сдаваясь охватившей их глотки палящей жажде там, где эта жажда их застигала. И лежали они в снегу, с черными бессмысленными лицами, и если бы я не знал дороги до села, то нашел бы ее по этим гигантским черным камням, разбросанным гигантским мальчиком-с-пальчиком на всем пути.

Народ это был, однако, по большей части крепкий, закаленный, и самые чудовищные экспе-

рименты над своим телом обходились ему сравнительно дешево. Проламывали друг другу головы, уничтожали начисто носы и уши, а один смельчак даже взялся однажды на заманчивое пари (без сомнения – бутылка водки) съесть динамитный патрон. Прodelав это, он в течение двух-трех дней, несмотря на сильную рвоту, пользовался самым бережливым и заботливым вниманием со стороны товарищей, которые все боялись, что он взорвется.

По миновании же этого странного карантина – был он жестоко избит.

Служащие конторы отличались от рабочих тем, что меньше дрались и больше пили. Все это были люди, по большей части отвергнутые всем остальным светом за бездарность и неспособность к жизни, и, таким образом, на нашем маленьком, окруженном неизмеримыми степями островке собралась самая чудовищная компания глупых, грязных и бездарных алкоголиков, отбросов и обгрызков брезгливого белого света.

Занесенные сюда гигантской метлой Божьего произволения, все они махнули рукой на внешний мир и стали жить, как Бог на душу положит. Пили, играли в карты, ругались презрительно, отчаянными словами и во хмелю пели что-то настойчивое, тягучее и танцевали угрюмосредоточенно, ломая каблуками полы и извергая из ослабевших уст целые потоки хулы на человечество.

В этом и состояла веселая сторона рудничной жизни. Темные ее стороны заключались в каторжной работе, шагании по глубочайшей грязи из конторы в колонию и обратно, а также в отсиживании в кордегардии по целому ряду диковинных протоколов, составленных пьяным урядником.

* * *

Когда правление рудников было переведено в Харьков, туда же забрали и меня, и я ожил душой и окреп телом...

По целым дням бродил я по городу, сдвинув шляпу набекрень и независимо насвистывая самые залихватские мотивы, подслушанные мною в летних шантанах – месте, которое восхищало меня сначала до глубины души.

Работал я в конторе преотвратительно и до сих пор недоумеваю: за что держали меня там шесть лет, ленивого, смотревшего на работу с отвращением и по каждому поводу вступавшего не только с бухгалтером, но и с директором в длинные, ожесточенные споры и полемику.

Вероятно, потому, что был я превеселым, радостно глядящим на широкий Божий мир человеком, с готовностью откладывавшим работу для смеха, шуток и ряда замысловатых анекдотов, что освежало окружающих, погрязших в работе, скучных счетах и дрызгах.

* * *

Литературная моя деятельность была начата в 1904 году,¹ и была она, как мне казалось, сплошным триумфом.

Во-первых, я написал рассказ... Во-вторых, я отнес его в «Южный край». И в-третьих (до сих пор я того мнения, что в рассказе это самое главное), в-третьих, он был напечатан!

Гонорар я за него почему-то не получил, и это тем более несправедливо, что едва он вышел в свет, как подписка и розница газеты сейчас же удвоилась...

Те же самые завистливые, злые языки, которые пытались связать день моего рождения с каким-то еще другим праздником, связали и факт поднятия розницы с началом русско-японской войны.

Ну, да мы-то, читатель, знаем с вами, где истина...

Написав за два года четыре рассказа, я решил, что поработал достаточно на пользу родной

¹ В «Автобиографии», предпосланной сборнику «Веселые устрицы» (1910), первое выступление Аверченко в печати ошибочно датируется 1905 годом. В 24-м издании сборника, по которому воспроизводится текст, сам автор исправляет дату на 1904 год. В действительности же, наиболее вероятен 1903 год.

литературы, и решил основательно отдохнуть, но подкатился 1905 год и, подхватив меня, закрутил меня, как щепку.

Я стал редактировать журнал «Штык», имевший в Харькове большой успех, и совершенно забросил службу... Лихорадочно писал я, рисовал карикатуры, редактировал и корректировал и на девятом номере дорисовался до того, что генерал-губернатор Пешков оштрафовал меня на 500 рублей, мечтая, что немедленно заплачу их из карманных денег.

Я отказался по многим причинам, главные из которых были: отсутствие денег и нежелание потворствовать капризам легкомысленного администратора.

Увидев мою непоколебимость (штраф был без замены тюремным заключением), Пешков спустил цену до 100 рублей.

Я отказался.

Мы торговались, как маклаки, и я являлся к нему чуть не десять раз. Денег ему так и не удалось выжать из меня!

Тогда он, обидевшись, сказал:

– Один из нас должен уехать из Харькова!

– Ваше превосходительство! – возразил я. – Давайте предложим харьковцам: кого они выберут?

Так как в городе меня любили и даже до меня доходили смутные слухи о желании граждан увековечить мой образ постановкой памятника, то г. Пешков не захотел рисковать своей популярностью.

И я уехал, успев все-таки до отъезда выпустить 3 номера журнала «Меч», который был так популярен, что экземпляры его можно найти даже в Публичной библиотеке.

* * *

В Петроград я приехал как раз на Новый год.

Опять была иллюминация, улицы были украшены флагами, транспарантами и фонариками. Но я уж ничего не скажу! Помолчу.

И так меня иногда упрекают, что я думаю о своих заслугах больше, чем это требуется обычной скромностью. А я – могу дать честное слово, – увидев всю эту иллюминацию и радость, сделал вид, что совершенно не замечаю невинной хитрости и сентиментальных, простодушных попыток муниципалитета скрасить мой первый приезд в большой незнакомый город... Скромно, инкогнито, сел на извозчика и инкогнито поехал на место своей новой жизни.

И вот – начал я ее.

Первые мои шаги были связаны с основанным нами журналом «Сатирикон», и до сих пор я люблю, как собственное дитя, этот прекрасный, веселый журнал (в год 8 руб., на полгода 4 руб.).

Успех его был наполовину моим успехом, и я с гордостью могу сказать теперь, что редкий культурный человек не знает нашего «Сатирикона» (на год 8 руб., на полгода 4 руб.).

В этом месте я подхожу уже к последней, ближайшей эре моей жизни, и я не скажу, но всякий поймет, почему я в этом месте умолкаю.

Из чуткой, нежной, до болезненности нежной скромности я умолкаю.

* * *

Не буду перечислять имена тех лиц, которые в последнее время мною заинтересовались и желали со мной познакомиться. Но если читатель вдумается в истинные причины приезда славянской депутации, испанского инфанта и президента Фальера, то, может быть, моя скромная личность, упорно державшаяся в тени, получит совершенно другое освещение...

ШУТКА МЕЦЕНАТА

Юмористический роман

Часть I
куколка

Глава I
его величество скучает

- Должен вам сказать, что вы все – смертельно мне надоели.
- Меценат! Полечите печень.
- Совет не глупый. Только знаешь, Мотылек, какое лучшее лекарство от печени?
- Догадываюсь: всех нас разогнать.
- Вот видишь, почему я так глупо привязан к вам: вы понимаете меня с полуслова. Другим бы нужно было разжевывать, а вы хватаете все на лету.
- Ну, что ж... разгоните нас. А через два-три дня приползете к нам, как угрюмый крокодил с перебитыми лапами, начнете хныкать – и снова все пойдет по-старому.
- Ты, Мотылек, циничен, но не глуп.
- О, на вашем общем фоне не трудно выделиться.
- Цинизмом?
- Умом.
- Меня интересует один вопрос: любите вы меня или нет?
- Попробуйте разориться – увидите!
- Это опасный опыт: разориться не штука, а потом, если увижу, что вы все свиньи, любящие только из-за денег, – опять-то разбогатеть будет уже трудно!
- Я вас люблю, Меценат.
- Спасибо, Кузя. Ты так ленив, что эти четыре слова, вываленные безо всякого принуждения, я ценю на вес золота.

В большой беспорядочной, странно обставленной комнате, со стенами, увешанными коврами, оружием и картинами, – беседовали трое.

Хозяин, по прозвищу Меценат, – огромный, грузный человек с копной полуседых волос в голове, с черными, ярко блестящими из-под густых бровей глазами, с чувственными пухлыми красными губами – полулежал в позе отдыхающего льва на широкой оттоманке, обложенный массой подушек.

У его ног на ковре, опершись рукой о края оттоманки, сидел Мотылек – молодой человек с лицом, покрытым прихотливой сетью морщин и складок, так что лицо его во время разговора двигалось и колыхалось, как вода, подернутая рябью. Одет он был с вычурной элегантностью, резко отличаясь этим от неряшливого Мецената, щеголявшего ботинками с растянутыми резинками по бокам и бархатным черным пиджаком, обильно посыпанным сигарным пеплом.

Третий – тот, кого называли Кузей, – бесцветный молодец с жиденькими усишками и вылинявшими голубыми глазами – сидел боком в кресле, перекинув ноги через его ручку, и ел апельсин, не очищая его, а просто откусывая зубами кожуру и выплевывая на ковер.

- Хотите, сыграем в шахматы? – нерешительно предложил Кузя.
- С тобой? Да ведь ты, Кузя, в пять минут меня распласташь, как раздавленную лягушку. Что за интерес?!

– Фу, какой вы сегодня тяжелый! Ну, Мотылек прочтет вам свои стихи. Он, кажется, захватил с собой свежий номер «Вершин».

- Неужели Мотылек способен читать мне свои стихи? Что я ему сделал плохого?
- Меценат! С вами сегодня разговаривать – будто жевать промокательную бумагу.

В комнату вошла толстая старуха с сухо поджатыми губами, остановилась среди комнаты, обвела ироническим взглядом компанию и, пряча руки под фартуком, усмехнулась:

- Вместо, чтоб дело какое делать – с утра языки чешете. И что это за компания такая – не понимаю!
- А-а, – радостно закричал Мотылек, – Кальвия Криспинилла! Magistra libidinium Neronis!
- А чтоб у тебя язык присох, бесстыдник! Эткими словами старуху обзываешь! Боря! Я тебя

на руках нянчила, а ты им позволяешь такое! Нешто можно?

– Мотылек, не приставай к ней. И что у нее общего, скажи, пожалуйста, с Кальвией Криспиниллой?

– Ну, как же. Не краснейте, Меценат, но я пронюхал, что она ведет регистрацию всех ваших сердечных увлечений. *Magistra libidinium Neronis*!

– Гм... А каким способом ты будешь с лестницы спускаться, если я переведу ей по-русски эту латынь?..

– Тесс! Я сам переведу. Досточтимая Анна Матвеевна! «*Magistra libidinium Neronis*» – по-нашему, «женщина, украшенная добродетелями». А чем сегодня покормите нас, звезда незакатная?

– Неужто уже есть захотел?

– Дайте ему маринованного щенка по-китайски, – посоветовал Кузя. – Как ваше здоровье, Анна Матвеевна?

– А! И ты здесь. И уж с утра апельсин жрешь. Проворный. А зачем шкурки на пол бросаешь?

– Что вы, Анна Матвеевна! Я, собственно, бросал их не на пол, а наоборот, в потолок... но земное притяжение... сами понимаете! Деваться некуда.

– Эко, язык у человека без костей. Боря, чего заказать на завтрак?

– Анна Матвеевна! – простонал Меценат, зарывая кудлатую голову в подушки. – Неужели опять яйца всмятку, котлеты, цыплята? Надоело! Тоска. Мрак. Знаете что? Дайте нам свежей икорки, семги, коньяку да сварите нам уху, что ли... И также – знаете что? Тащите все это сюда. Мы расстелим на ковре скатерть и устроим этакий пикничок.

– В гостиной-то? На ковре? Безобразие какое!

– Анна Матвеевна! – сказал Мотылек, поднимаясь с ковра и приставляя палец к носу. – Мы призваны в мир разрушать традиции и создавать новые пути.

– Ты не смей старухе такие слова говорить. То-то ты весь в морщины пошел. Взять бы утюг хороший да разгладить.

– Боже вас сохрани, – лениво сказал Кузя, вытирая апельсиновый сок на пальцах подкладкой пиджака, – его морщины нельзя разглаживать.

– Почему? – с любопытством осведомился Меценат, предвидя новую игру вялого Кузино ума.

– А как же! Знаете, кто такой Мотылек? Это «Человек-мухоловка». В летний зной – незаменимо! Гений по ловле мух! Сидит он, расправив морщины, и ждет. Мухи и рассядутся у него на лице. Вдруг – трах! Сожмет сразу лицо – мух двадцать в складках и застрянут. Сидит потом и привлекает их, полураздавленных, из морщин, бросая в пепельницу.

– Тьфу! – негодуяще плюнула старуха, скрываясь за дверью.

Громкий смех заглушил стук сердито захлопнутой двери.

Глава II первое развлечение

Не успел смех угаснуть, как послышался топот быстрых ног и, крутясь, точно степной вихрь, влетел высокий, атлетического вида человек, широкая грудь которого и чудовищные мускулы плеч еле-еле покрывались поношенной узкой студенческой тужуркой.

Он проплясал перед компанией какой-то замысловатый танец и остановился в картинной позе, бурно дыша.

– Вот и Телохранителя черт принес, – скорбно заметил Кузя. – Прощай теперь две трети завтрака.

– Удивительно, – проямлил Мотылек, – у этого Новаковича физическая организация и моральные эмоции, как у черкасского быка, но насчет свежей икры и мартелевского коньяку – деликатнейшее чутье испанской ищейки.

– Так-то вы меня принимаете, лизоблюды?! – загремел Новакович, схватывая своими страшными руками тщедушного Кузю и усаживая его на высокий книжный шкаф. – А я все стараюсь,

ночей для вас не сплю!..

– Телохранитель, – жалобно попросил Кузя. – Сними меня, я больше не буду.

– Сиди!

– Телохранитель! Я знаю, твоя доброта превосходит твою замечательную силу. Сними меня.

У тебя тело греческого бога...

Новакович самодовольно усмехнулся и, как перышко, снял Кузя со шкафа.

– Тело греческого бога, – добавил Кузя, прячась за кресло, – а мозги, как греческая губка.

Раздался писк мыши в могучих кошачьих лапах – снова Кузя, как птичка, вспорхнул на шкаф.

– Меценат! – прогремел Новакович. – Вы скучаете?

– Очень. Ты ж видишь. У этих двух слизняков нет никакой фантазии.

– Меценат! Можете заплатить за хорошее развлечение 25 рублей?

– Потом.

– Нет, эти денежки – мои кровные. Предварительные расходы. Надо вам сказать, ребята, что нынче утром выхожу я из дому, сажусь в экипаж...

– В трамвай!.. – как эхо отозвался с высоты Кузя.

– Ну, в трамвай, это не важно. Подкатываю к ресторану...

– ...называемому харчевней, – поправил Кузя.

– Что? Ну, такое, знаете... Кафе одно тут. Вроде ресторана. Сажусь, заказываю бутылочку шипучего...

– ...квасу, – безжалостно закончил Кузя.

– Что-о? – грозно заревел Новакович.

– Сними меня – тогда ври, сколько хочешь. Слова не скажу.

– Сиди, бледнолицая собака. Ну, ребята, долго ли, коротко ли – не важно, но познакомился я в этом кафе с одним молодым человеком... Ароматнейший фрукт! Бриллиантовая капля росы на весеннем листочке! Девственная почва. Представьте – стихи пишет!! А? Каков подлец?! Будто миру мало одного Мотылька, пятнающего своими стихами наш и без того грязный земной шарик!

– Телохранитель! – прошипел, как разъяренный индюк, Мотылек. – Не смей ругать мою землю. В Писании о тебе сказано: из земли ты взят, в землю и вернешься. И чем скорее, тем лучше.

– Ага! Не любишь беспристрастной критики?! Кстати, вы знаете, какие стихи мастачит мой новый знакомый? Я запомнил только четыре строчки:

В степи – избушка.

Кругом – трава,

В избе – старушка

Скрипит едва!..

– Каково? Запомните, чтоб цитировать. Я его с собой привел.

– Кого?!

– Этого самого. Внизу ждет. Я ему сказал, что это очень аристократический дом, где нужно долго докладывать.

В скучающих глазах Мецената загорелось, как спичка на ветре, ленивое любопытство.

– Веди его сюда, Новакович. Если он действительно забавный – пусть кормится. Нет – сплавим.

– Двадцать пять рублей, – хищно сказал Новакович, – я на него потратил. Ей-богу, имея вас в виду! Верните, Меценат.

– Возьми там. В ящике стола. Вы, дьяволы, для меня хоть бы раз что-нибудь бесплатно сделали.

– Ах, милый Меценат. Жить-то ведь надо. Хорошо вам, когда сделал в чековой книжке закорючку – и сто обедов с шампанским в брюхе. А мы народ трудящийся.

Когда он прятал вынутые из ящика деньги, Мотылек сказал, поглаживая жилетный карман:

– Телохранитель! Ты теперь обязан из этих денег внести четыре рубля за мои часы в ломбарде. Иначе я испорчу твоего протеже. Все ему выболтаю – как ты его Меценату продаешь. Меценат удивился:

– Опять деньги на часы? Да ведь ты у меня вчера взял на выкуп часов?!

– Не донес! Одной бедной старушке дал.

– Не той ли, что скрипит в избушке, а кругом трава?

– Нет, моя старушка городская.

– Как теперь быстро стареют женщины, – печально сказал Кузя сверху. – В двадцать два года – уже старушка.

Мотылек покраснел:

– Молчи там, сорока на крыше!

Вышедший во время этого разговора Новакович вернулся, таща за руку так разрекламированную им «бриллиантовую каплю росы».

Глава III

куколка

Это был застенчивый юноша, белокурый, голубоглазый, как херувим, с пухлыми розовыми губами и нежными шелковистыми усиками, чуть-чуть видневшимися над верхней губой. Одет он был скромно, но прилично, в синий, строгого покроя костюм, в лаковые ботинки с серыми гетрами и с серой перчаткой на левой руке.

– Вот он – тот, о котором я говорил. Замечательный поэт! Наша будущая гордость! Байрон в юности. А это вот тот аристократический дом, о котором я вам рассказывал. Немного чопорно, но ребята все аховые. Тот, что на диване, – хозяин дома – Меценат, а этот низший организм у его ног – Мотылек. Он – секретарь журнала «Вершины» и может быть полезен вам своими связями.

– Очень приятно, – робко пролепетал юноша, тряся пухлую Меценатову руку с длинными холеными ногтями. – Я очень, очень рад. Новакович много о вас говорил хорошего. Моя фамилия – Шелковников. Имя мое – Валентин. Отчество – Николаевич...

– Бабушку мою звали Аглая, – в тон ему сказал Кузя, свесивая голову с вершины шкафа. – Мопсика ее звали – Филька. Меня зовут Кузя. Познакомьтесь и со мной тоже и, если можете, – снимите меня со шкафа.

Шелковников с изумлением поглядел наверх и только теперь заметил Кузю, беспомощно болтавшего ногами.

– Простите, – смущенно воскликнул он. – Я вас и не заметил. Очень приятно. Моя фамилия Шелковников. Мое имя...

– И так далее, – сказал Кузя. – Снимете меня или нет?

– Не трогайте его, – схватил Шелковникова за руку Новакович. – Это я наказал его за грубость нрава. Пусть сидит.

Вошла Анна Матвеевна с приборами на подносе, с двумя бутылками коньяку и скатертью под мышкой.

– Этого еще откуда достали, – ворчливо сказала она, оглядывая новоприбывшего. – Ишь ты, какой чистенький да ладный. И как это вас мамаша сюда отпустила?

Заметив, что гость окончательно смутился, Меценат попытался ободрить его:

– Не обращайтесь на нее внимания – это моя старая Анна Матвеевна. Она вечно ворчит, но предобрая.

Юноша вежливо поклонился, чуть-чуть прищелкнув каблуком, и почел нужным представиться старухе:

– Очень рад. Моя фамилия Шелковников, мое имя...

– Уху сварили, Кальвия Криспинилловна? – осведомился Мотылек, оттирая плечом нового гостя. – Знаешь, Телохранитель, у нас сегодня пикник в этой комнате. На ковре будем уху есть. Ловко?

– Взять бы хорошую палку... – добродушно проворчала старуха, – да и... А вы чего же, су-

дарь, стоите? Присели бы. А лучше всего, скажу я вам, не путайтесь вы с ними. Они – враги человеческие! А на вас посмотреть – так одно удовольствие. Словно куколка какая.

– Ур-ра! – заревел Новакович. – Устами этой пышной матроны глаголет сама истина. Гениально сказано: «Куколка»! Мы сейчас окрестим вас этим именем. Да здравствует Куколка! Меня зовите Телохранителем, ибо я в наших похождениях охраняю патриция Мецената от физической опасности, а то птичье чучело на шкафу называется Кузя.

– Снимите меня, – попросил Кузя, обрадованный, что вспомнили и о нем.

– Сиди! Там наверху воздух чище. Дыши горным воздухом!

Новокрещенный Куколка, оглушенный всеми этими спорами и криками, не знал, в какую сторону поворачиваться, кого слушать...

Меценат ему показался самым уравновешенным, самым спокойным. Поэтому он деликатно протиснулся бочком сквозь заполнивших всю комнату Мотылька и Телохранителя, придвинул к Меценату стул и сел, осведомившись с наружно независимым видом:

– Как поживаете?

– Благодарю вас, – вежливо отвечал Меценат, пряча в седеющие усы улыбку полных и красных губ. – Скучаю немножко.

– А вы бы искусством занялись. Поэзией, что ли?

– Хорошо, займусь, – согласился покладистый Меценат. – Завтра же.

– Я еще молодой, но очень люблю поэзию. Это как музыка... Правда?

– Совершеннейшая правда.

– Скажите, это ваша фамилия такая – Меценат?

– Фамилия, фамилия, – подскочил Мотылек, протискиваясь между разговаривающими и фамильярно присаживаясь на оттоманку. – Наш хозяин сам родом из римлян. Происходит из знаменитого угасшего рода. В нем умер Нерон, и слава Богу, что умер. А то бы, согласитесь сами, неприятно было попасть в его сад в виде смоляного факела. А теперь это – какое прекрасное угасание! А? И от всей былой роскоши осталась только Кальвия Криспинилла – *Magistra libidinium Neronis*.

– Это... латынь? – простодушно спросил Куколка.

– Испанский, но не важно. Скажите, вы не родственник одного очень талантливого поэта – Шелковникова?

– Нет... Не знаю... А что он писал?

– Ну, как же! У него чудные стихи. Одни мы даже заучили наизусть. Как это?..

В степи – избушка, Кругом – трава, В избе – старушка Скрипит едва.

Чудесно! Кованный стих.

– Позвольте, – расцвел как маковый цвет Куколка. – Да ведь это же мои стихи!.. Откуда вы их знаете? Ведь я их даже не печатал!

– Помилуйте! По всему Петербургу в рукописных списках ходят. Неужели это ваши?! Да что вы говорите? Позвольте мне позжать вашу руку!.. Это чудно! Какая простота и какая чисто пушкинская сжатость!.. Кузя, тебе нравится?

– Я в форменном восторге, – сказал сверху Кузя, позевывая. – Кисть большого мастера. Ни одного лишнего слова: «В степи – избушка!» Всего три слова, а передо мной рисуется степь, поросшая ковылем и ароматными травами, далекая, бескрайняя... И маленькой точкой на этой беспредельной равнине маячит покосившаяся серая избушка с нахлобученной на самые двери крышей...

И Кузя замолчал, погружившись в задумчивость. На самом деле он был так ленив, что ему не хотелось лишний раз повернуть языком. Впрочем, немного потрудился: поднял голову и подмигнул, предоставляя дальнейшее подвижному Мотыльку.

Мотылек сложил свое гуттаперчевое лицо в гармонику и пылко продолжал:

– А это: «Кругом – трава!» Трава, и больше ничего. Стоп. Точка. Но я чувствую аромат этой травы, жужжание тысячи насекомых. Посмотрим дальше... «В избе – старушка». И верно! А где же ей быть? Не скакать же по траве, как козленку. Не такие ее годы. И действительно поэт тут же веско подкрепляет это соображение: «Скрипит едва». Кругом пустыня, одинокая старость – какой

это, в сущности, ужас! Что ей остается? Скрипеть!

Меценат опустил голову и закрыл рукой лицо с целью скрыть предательский смех, а Куколка ясным взором восторженно оглядывал всю компанию и поддакивал:

– Да, да!.. Я вижу, вы поняли мой замысел.

– Мотылек! – сказал расставшийся окончательно со своей тоской Меценат. – Ты должен устроить эти стихи в какой-нибудь журнал.

– Обязательно устрою. За такие стихи всякая редакция зубами схватится.

Новакович отвел Куколку в сторону и спросил шепотом:

– Ну, как вам нравится общество, в которое я вас ввел?

– Чудесное общество. Они все такие тонкие, понимающие...

– Еще не то будет. Вы коньяк пьете?

– Да... собственно, не пью...

– Ага! Ну, значит, выпьете. Анна Матвеевна! Надеюсь, икорка у вас на льду стояла?

– Для тебя еще буду на лед ставить!..

– Анна Матвеевна! Не забывайте, что я знал вашего папу.

– Врешь ты все, – проворчала скептическая старуха. – Он уж лет тридцать будет как помер.

– Ну, что ж. А мне уже под пятьдесят. Вы не смотрите, что я такой моложавый. Это я в спирту сохранялся. Боже, как быстро жизнь мчится! Как сейчас помню вашего отца... Веселый был старик! Мы с ним часто рыбу удили...

– Да, неужто ж, верно, знал отца?! – зацепилась на удочку старуха. – Нешто ты тоже зарайский?

– Я-то? Всю жизнь. Еще, помню, у вашего папы коровка была... серенькая такая...

– Бурая.

– Во-во. Серовато-бурая. Хорошее молоко давала. Старик часто меня угощал. «Сережа, говорит, ты мне первый друг. Жалко, говорит, что моя дочка Анюта уже замуж вышла. А то был бы ты мне зятем».

– Скажете тоже! – застыдилась Анна Матвеевна, расстилая на ковре скатерть.

У Новаковича была странная натура: он мог так нахально рассказывать о самых невероятных вещах, способен был так просто и самоуверенно лгать, что одним своим тоном мог поколебать недовереие самого скептического слушателя.

Почему-то из всей компании нянька Мецената отдавала предпочтение именно Новаковичу и даже изредка высыпала ему в карман целую сахарницу колотого сахара, который он ел, уверяя всех, что сахар придает крепость костям.

Приятелям он рассказывал:

– Отчего я такой сильный? Исключительно от сахара. Да еще сырую морковь ем, как заяц. Поэтому медный пятак мне согнуть в трубку ничего не стоит.

– Ну, вот тебе пятак – согни его.

– Зачем же его портить, – хладнокровно говорил Новакович, опуская пятак в карман, – он мне на трамвай пригодится.

– Экий ты, братец. Ну, вот тебе еще пятак – согни.

– Вот спасибо. На первый пятак я проеду только туда, а на второй смогу вернуться обратно.

И второй пятак находил упокоение вместе с первым в широком кармане студенческих брюк Новаковича.

Куколка сидел притихший, широко раскрытыми глазами глядя на приготовления к завтраку, которые никак не вязались с «чопорным аристократическим домом», как характеризовал квартиру Мецената Новакович.

– Почему эта старуха накрывает завтрак на полу? – робко шепнул он Новаковичу.

– О, это странная история, – с готовностью объяснил Новакович. – у нее была семья из восьмидесяти двух человек, и все они один за другим умирали, и всех их она видела мертвыми на столе! И поэтому с тех пор стол, по ее понятиям, – святое место, которое не должно оскверняться икрой и коньяком!..

– Как это удивительно! – воскликнул Куколка. – Помоему, вот сюжет для жуткой баллады в

стиле Жуковского.

– И очень просто! Вы бы записали, чтоб не забыть.

– Ей-богу, запишу.

Когда все, кроме забытого Кузи, улеглись на ковер спинами вверх и принялись за коньяк с икрой, Кузя взвыл:

– Телохранитель! Сними или я прыгну вниз и сломаю ногу.

– Какие у меня мозги?

– Замечательные! Галилей, Коперник, Ньютон и Эдисон – причудливо соединились в твоей черепной коробке.

– Не люблю грубой лести, сиди.

Видя, что яства и питья исчезают с поражающей быстротой, Кузя решил помочь себе сам: лег на верхушку шкафа и, открыв его дверцы, принялся сбрасывать огромные томы «Словаря» с верхних полок – на пол.

Меценат равнодушно поглядывал на такое варварское обращение с его библиотекой, а Новакович и Мотылек тихо хихикали, ерзая животами по ковру.

Когда груда сброшенных книг оказалась достаточной – Кузя повис на шкафу и сполз вниз, приветствуемый кошунственными словами Мотылька:

– Сошествие Святого Духа на апостолов.

Икру ели столовыми ложками из объемистой миски, коньяк пили из чашек, потому что наливание в рюмки отнимало, по словам Новаковича, массу времени. Меценат был щедр, как король, и радушно потчевал Куколку, чуть ли не вмазывая ему в рот полные ложки икры.

Подвыпивший Куколка болтал без умолку:

– Я раньше не верил в себя, а теперь, с сегодняшнего дня верю! Я напишу целую книгу и посвящу ее господину Меценату!

– Пиши, старик, пиши, – поддакивал Мотылек. – Мы тебя не покинем! Здорово это у тебя вышло о старушке:

В лесу старушка
Сидит в кадлушке,
Скрипит избушка...

– Позвольте... Вы перепутали...

– Не важно! Главное – музыка стиха.

– А что, Куколка? – спросил Новакович. – Что, если переложить эти стихи на музыку? Я бы и переложил.

– Да разве вы композитор?

– Я-то? Вы оперу «Майская ночь» слышали?

– Но ведь это вещь Римского-Корсакова?!

– Вот я и говорю – знаете «Майскую ночь» Римского-Корсакова? Так я могу написать в десять раз лучше!

– А вы в шахматы играете? – осведомился Кузя.

– Очень плохо.

– То-то и оно. Я вам могу дать вперед коня и пешку.

– Неужели вы так хорошо играете?

– Замечательно! – скромно заявил Кузя.

– Он может играть с вами партию, не только не глядя на доску, но даже не спрашивая, какой ход вы сделали.

– Да как же это так? – изумился Куколка.

– Догадывается. О, это прехитрая бестия. Мотылек нашел нужным сказать и свое слово:

– Читали мои стихи?

– А вы тоже... поэт?

– Гм... конечно, не такой, как вы, однако половина моих стихов попала во все гимназические

хрестоматии.

Один Меценат молчал, но видно было, что он искренно наслаждался беседой, изредка расширяя ноздри, будто вдыхая аромат невероятного простодушия, наивности и доверчивости Куколки.

После ухи Меценат поднял чашку за здоровье своего юного гостя и попросил Мотылька:

– Сыграй нам Шопена.

Желание Мецената всегда для всех было законом. Мотылек вскочил, сел за рояль и запел очень приятным голосом:

В степи стоит себе избушка,
Кругом трава, трава, трава...
Живет себе в избе старушка.
И хоть скрипит себе едва,
Но, в руки взяв вина стакан,
Танцует все канкан, канкан...

– У меня немножко не так... – попытался нерешительно протестовать Куколка.

– Я знаю, но по музыке нельзя иначе.

Развеселившийся Меценат велел подать шампанского, и все с бокалами в руках спели застольную песню все о той же безропотной старушке.

Ушел Куколка, очарованный обществом, крепко потрясая всем руки и обещая, что он «никогда, никогда не забудет этого чудного дня и что он, если позволят, будет приходить часто»...

Когда амфитрион и его веселые клеветы остались одни, Новакович стал посреди комнаты, засунул руки в Карманы и вызываяще сказал:

– Ну??!!

– Этот человек действительно стоит 25 рублей, – тоном специалиста определил Меценат. – Его нужно прикормить здесь.

– Хотите, я для смеху напечатаю его стихи в журнале? – предложил Мотылек.

– Надо сделать больше, – подхватил Кузя. – Мы должны сделать из него знаменитость. Я завтра дам в свою газету о нем заметку.

– Одну? Нужно дать ряд заметок. А потом мы устроим вечер его произведений!

Таким образом – однажды в сумерки была организована эта противоестественная издевательская кампания, направленная против святой простоты доверчивого, наивного, глуповатого юноши...

Глава IV вообще о меценате

Станный господин этот Меценат. По существу, неплохой человек, он с ранней юности был заедаем скукой, и эта болезнь вела его жизнь по самым причудливым, прихотливым путям.

Богатство избавляло его от прозы добывания средств к существованию, и поэтому неистощимый запас дремавшей в нем энергии и пылкой фантазии он направлял в самые неожиданные стороны.

Много путешествовал, но без толку. Приехав в любую страну, он не знакомился с ней, как все другие путешественники, не осматривал музеев и достопримечательностей, а, осев где-нибудь в трущобном кабачке, заводил знакомства с рыбаками, с матросами, дружил с этим полуоборванным людом и, угостив шумную компанию, потом с наслаждением созерцал их бурные споры, ссоры и потасовки.

Горячо любил всякую живую жизнь, но как-то так случалось, что искал он ее не там, где нужно.

Писал очень недурные рассказы, но не печатал их. Прекрасно импровизировал на рояле, но

тут же забывал свои творения.

Временами целые дни валялся на диване с «Историей французской революции» или «Похождениями Рокамболя» в вялых руках, а потом вдруг на него нападала дикая энергия и он носился с компанией своих приспешников из подозрительных трактиров в первоклассные рестораны и обратно, шумя, втягивая в свою орбиту массу постороннего народа, инсценируя ссоры, столкновения и разрешая их гомерическим пьянством.

И потом после двух-трех таких бурных дней снова тихо опускался на дно, как безгласный труп утопленника...

Он был женат, и это, пожалуй, можно назвать самой большой нелепостью его жизни... Зачем он женился?

Ответ можно было найти один: Меценат пылко, истерически любил всякую красоту – в красках ли, в звуке, в шелесте спелой ржи или в текучей изменчивости подвижного лица прекрасной женщины.

Поэтому встреча с Верой Антоновной и решила его бестолковую судьбу.

Она была прекрасна – высокая пышная брюнетка с мраморным телом и глазами, как две звезды освещавшими матово-бледное лицо. Такой соблазнительной ножки и трепетных гибких рук Меценат не встречал за всю свою жизнь, и поэтому он решил вопрос просто:

– Или эта женщина будет моей, или я умру.

Из того, что он не умер, ясно для читателя решение этой дилеммы в его пользу.

Эта роскошная красавица была невероятно ленива, ум ее и тело были всегда в дремлющем состоянии; поэтому, когда Меценат впервые ее поцеловал, она, полуразбуженная, недоумевающе осведомилась:

– Чего это вы там возитесь около моего лица? Такой вопрос еще больше привел его в восхищение:

– О, прекрасная мраморная статуя! Это я вас поцеловал.

– Здравствуйте! Была охота. Неужели это вам доставляет удовольствие?

– Слушайте, – пылко сказал Меценат. – Мне бы очень хотелось, чтобы вы вышли за меня замуж! Я вижу, вы любите спокойную малоподвижную жизнь – я дам вам ее! Я настолько богат, что могу окружить вас чисто восточной роскошью, полной неги, лени и наслаждений!

– А? – переспросила она музыкальным, но сонным голосом. – Простите, я не расслышала.

И добавила с очаровательной простотой:

– Я, кажется, задремала... Повторите, что вы сказали.

Меценат повторил, разукрасив свое предложение пышными цветами своей дикой исступленной фантазии.

– Жениться на мне хотите, что ли? – кратко сформулировала она поток его красноречия.

– Да, да, божественная статуя Киприды!..

– А вы не будете меня... тормозить?..

– О, нет. После медового месяца – полная свобода.

– Слушайте... только, по-моему, женитьба – это такая возня... Портнихи, какие-то документы, обручение. Вы человек очень приятный, но... нельзя ли без этого?

– Без... чего?

– Без того, чтобы меня тормозили.

– Вот что... У вас завтра найдется полчаса свободного времени?

– Увы, я уж чувствую, что это будут «несвободные полчаса времени». Чем вы хотите меня занять?

– Я все устрою раньше. Ваше дело только – заехать в церковь обвенчаться.

– Неужели это можно так просто? – поглядела она на него, приятно удивленная.

– Да, да – только полчаса. А потом мы с вами поедем путешествовать.

– Только поедем куда-нибудь подальше. Хорошо? В вагоне экспресса так удобно. А вылезешь – бррр... Носильщики, суeta, толпа на вокзале... В отеле нужно устраиваться... Что вы так на меня смотрите? Послушайте! Неужели я вам нравлюсь такая?

– Больше, чем когда-либо! Да ведь это клад – спящая красавица! По крайней мере, лень по-

мешает вам говорить и делать глупости...

– А? Что вы говорите?

Он пылко целовал ее, а она, сложив классически изящные руки на прекрасных коленях, погрузилась в сладкую дремоту...

После свадьбы Меценат сделал все по желанию Веры Антоновны: полтора месяца они носились в экспрессах по всей Европе – он пылкий влюбленный, она в состоянии сладкой неподвижности и полудремоты... Никогда еще в мире не было большего контраста между бешено мчавшимся экспрессом и этим роскошным неподвижным телом, безмятежно покоящимся в его железных недрах.

Через полтора месяца эта удивительная пара вернулась, и Меценат любовно устроил жену на отдельной квартире, потому что, как объяснила она, «так меньше беспокойства».

Жили они дружно, потому что Меценат, насытившись первым пылом страсти, не докучал ей своими посещениями, снова погрузившись в мир Мотыльков, Телохраниителей и пикников с ухой на дорогом персидском ковре в своей дикой гостиной... Перебесился, благосклонно объясняла нянька, преклонявшаяся перед Меценатом.

Глава V о клеветрах мецената

Эту странную коллекцию «развратных молодых людей, впоследствии разбойников» – как называл своих клеветров Меценат, пользуясь ремаркой Шиллера, – он составлял постепенно...

Первым к нему пристал Кузя.

Однажды Меценат сидел в задней комнате темного кафе, играя с незнакомым унылым старцем в шахматы.

Кузя, ленивый репортер одной плохо читаемой газетки, сидел тут же и, хлопая отяжелевшими веками, следил за игрой...

После одного из ходов унылого старика Кузя посоветовал:

– Возьмите у него коня.

– Что вы, милый мой! Да ведь тогда он делает королю и королеве «вилку» и забирает королеву.

– Ах, да!.. – сконфуженно сказал Кузя.

Через два-три хода Кузя снова дал преглупый совет:

– Двиньте этой пешкой, двиньте!

– Да ведь тогда король открывается.

– Ах да!..

– То-то вот «ах да!» – добродушно сказал Меценат, делая старичку мат. – Гнилой вы игрок, я вижу. Хотите, сыграем, я вам дам вперед королеву.

– Не знаю уж, как и быть... – нерешительно пробормотал Кузя. – Уж больно я плохо играю. По рублику разве одну партию.

Сыграли. Кузя выиграл с большим трудом и усилиями. Сыграли вторую партию. Эту Кузя выиграл легче.

– Нет, королеву вперед мне трудно, – признался Меценат. – Хотите коня?

– Давайте коня, – после некоторого колебания согласился Кузя и... выиграл и эту партию.

– Желаете ли на квит без форы? – предложил Меценат, совершенно обескураженный таким странным случаем.

– Желаю, – коротко согласился Кузя и... выиграл. На седьмой партии уже Кузя давал Меценату вперед коня – и к концу игры толстый бумажник Мецената значительно похудел.

– А вы ловкий парень, – рассмеялся Меценат, кончая игру.

– Да, я ловкий, – согласился Кузя. – А вам наука: не играйте так азартно с незнакомыми.

– Ну, теперь, я надеюсь, мы не будем незнакомы, – любезно сказал восхищенный его цинизмом Меценат. – Пойдем, я угощу вас ужином.

– Нет, лучше я угощу. Я совершенно вас обыграл.

– О, у меня дома еще много денег.

И, увидев, как Кузя, не вынимая правой руки из кармана, пытался одной левой зажечь спичку о коробку, лежавшую на столе, воскликнул с неподдельным восторгом:

– Послушайте! Вы почти так же ленивы, как моя жена.

– Шахматный ум, – лаконически пояснил Кузя. – В обычной жизни дремлет.

– Вы шахматами только и живете?

– Нет, я репортер в «Голосе Утра». Если вас кто-нибудь ночью ограбит – позвоните ко мне. Я опишу это так, что сам преступник будет плакать, как дитя.

После ужина Меценат затащил Кузю к себе, и до утра за рюмками шартреза оба с приятностью проспорили об Эдгаре По, о лучших способах обнаруживать преступления и о красоте донских казачек.

Оба были энциклопедисты.

Встреча с Новаковичем произошла при более трагических обстоятельствах.

В 3 часа ночи в трактире «Иордань» – месте, наименее всего подходившем по своему характеру к этому кроткому библейскому наименованию, – карманный вор Гриша с пылом объяснял заинтересованному Меценату сложные приемы своего ремесла, демонстрируя способ ощупывания «пассажира», расстегивания пуговиц и извлечения бумажника.

Меценат не брезговал и таким обществом, потому что, как сказано было выше, любил «живую жизнь во всех ее проявлениях», а карманный вор Гриша был яркой личностью и специалистом в своей опасной профессии.

Поэтому Меценат забавлялся новинкой, как дитя, и, когда Гриша, показывая некоторые позиции правой и левой руки, ловко вытащил Меценатовы золотые часы уже не с целью демонстрации, а с корыстолюбивыми намерениями, Меценат тут же, повторяя Гришины пассы, незаметно извлек из Гришина галстука бриллиантовую булавку, после чего оба, хохоча, как дети, вернули друг другу вещи по принадлежности.

– А вы тоже ловкий, – отпустил Гриша галантный комплимент. – Вам бы подучиться, могли бы с нами вместе работать.

Тут же он, окликнутый товарищем, отошел на минуту от польщенного Мецената, а к Меценату приблизился кроткий, елейного вида мужчина с ласковыми глазами и предложил:

– Не хотите ли перекинуться в картишки? Тут, в задней комнате. Пойдем, господин, много выиграть можете, ежели повезет.

«Шулер, – мелькнуло в голове Мецената, – любопытно с ним сразиться...»

– Ну, что ж, пойдем, – благодушно согласился он вслух.

И уже собрался идти, как к столу приблизился огромный плечистый студент в узкой порывевающей тужурке – мирно уплетавший до этого объемистое блюдо сосисок с пивом за соседним столом, – приблизился и сказал спокойно, но увесисто:

– Нет, вы с ним не пойдете играть в карты.

– Почему? – с любопытством осведомился Меценат.

– Потому что...

– Послушайте, молодой человек... – кротко сказал елейный игрок. – Вы лучше бы не мешались не в свое дело, а?

– А ты, голубчик, лучше отойди, – не менее кротко посоветовал атлетический студент.

У «голубчика» лицо мгновенно изменилось, елейность слетела, как шелуха, и бешеный волк с горящими, как угли, глазами ощерился и зашелкал зубами.

– Ну, ну, брось, – спокойно, но серьезно сказал студент. – Отойди. А! Чер-рт!

Последующее произошло так быстро, что Меценат не успел бы сосчитать до трех: елейный человек сделал неуловимое движение рукой, и в ней вдруг сверкнул, будто бы схваченный в воздухе короткий финский нож. Он так и застыл на весу, потому что студент, сделав не менее неуловимое движение, уже держал руку «игрока» с ножом немного выше локтя.

Студент стоял очень спокойно, а «игрок» вдруг побледнел, и рука его задрожала мелкой дрожью...

– Видишь, чудака... я ж предупреждал.

– Как вы думаете, – спросил студент, глядя на Мецената открытым ясным взглядом, – сломать ему руку или просто выкинуть его?

– Неужели можно сломать? – заинтересовался Меценат, более, впрочем, академически, как любитель спорта.

– О, пустяки. Один резкий поворот наружу и... Нож со звоном выпал из посиневшей руки «игрока».

– Отпустите, – угрюмо сказал он, корчась от боли. – Я уйду.

– Иди, милый, иди с Богом. Нечего тебе тут делать. Пойди займись чем-нибудь другим.

Когда они остались одни, Меценат спросил:

– Кто это такой?

– О, страшная скотина. Тот первый, с которым вы сидели давеча, очень приличный малый. Обыкновенный вор. В крайнем случае, лишились бы бумажника – и все, а этот... и табаком глаза засыплет, и ножичком ткнет при удобном случае, не задумываясь. А мы еще не знакомы: студент Новакович.

Вернувшийся Гриша, узнав, в чем дело, в полной мере подтвердил слова Новаковича:

– У нас его тоже не любят... Мы на «мокрое дело» никак не пойдем, а ему это – все равно как «Отче наш» прочитать. Чуть что – сейчас за «перо»,² нехороший человек, наши его избегают... Разрешите пощупать ваши мускулы? – вежливо отнесся он к Новаковичу.

– Сделайте одолжение. Вишь ты, они у меня какие. Это от сахара, да еще моркови ел я много.

Тут же он самым простым убежденным голосом рассказал новым знакомым такую невероятную, неправдоподобную историю, что и Меценат и Гриша до упаду смеялись.

С этого дня Новакович сделался неизменным спутником, а иногда и телохранителем Мецената во всех авантюрах благодушного скучающего богача.

Позднее всех прилетел на Меценатов огонек беззаботный поэт Паша Круглянский, прозванный Мотыльком, потому что первое время, являясь в компанию даже в десять часов утра, он неизменно говорил извиняющимся тоном:

– А я к вам на огонек зашел.

Впервые обнаружил его Меценат у витрины большого книжного магазина.

Мотылек стоял, собирая свое морщинистое лицо в чудовищные складки и снова распуская их, и вполголоса ругался:

– Ослы! Подлецы! Скоты несуразные. Черти.

– Кто это «ослы»? – ввязался Меценат в его телеграфический монолог.

– Издатели, – доверчиво пояснил Мотылек. – Что они выпускают? Что печатают? Разве это стихи?

– А вы, собственно, какие стихи предпочитаете?

– Свои. Вот послушайте...

И, прислонившись спиной к витрине, Мотылек принялся с пафосом декламировать какую-то элегическую балладу.

– Правда, хорошо?

– Очень. Кстати, хотите привести в порядок мою библиотеку?

– А у вас большая?

– Тысячи три томов.

– Пойдем! – решительно сказал Мотылек, хватая Мецената за руку.

– Да не сейчас, чудак. Это успеется. Сейчас время завтрака.

– Пойдем завтракать! – не менее бурно ухватился за эту мысль, а равно и за руку Мецената Мотылек. – Только вот что...

Он выпустил Меценатову руку, вынул тощее портмоне и принялся задумчиво пересчитывать серебряную мелочь.

– Гм! Хватит ли на двух, а?

² «Перо» – на воровском жаргоне – нож.

– С моими хватит, – успокоил его Меценат. – В общем, у нас с вами тысячи полторы наберется. – И повлек оглушенного Мотылька за собой.

С тех пор так и повелось, что за всех расплачивался Меценат. Нельзя сказать, чтобы клеветы были корыстолюбивы, но все они рассуждали вполне справедливо, что, если бы им вздумалось тянуться в расходах за Меценатом, каждый из них лопнул бы через два дня, а расстаться из-за этих пустяков с Меценатом никому и в голову не приходило – очень уж они привязались к Меценату, более того, полюбили Мецената.

Впрочем, Меценат, субсидируя их наличными, хорошо знал, что часть его денег попадала к их посторонним приятелям, еще более нищим, чем они, и поэтому ничто не нарушало его благодушного равновесия.

– Справедливое распределение между населением благ земных, – говорил он иногда, посмеиваясь.

Несмотря на всякие шуточки и подтрунивания, эта банда очень уважала Мецената, и все по молчаливому уговору обращались к нему на «вы», в то время как Меценат ласково, бесцеремонно всех называл на «ты».

Между собой «клеветы Мецената», как они сами себя величали, жили дружно, только Новакович изводил Кузю, играя с ним, как огромный дог со щенком, да Кузя иногда любил «топить Мотылька», что выражалось в следующем: декламирует Мотылек перед всем обществом свои новые стихи или рассказы. Кончит – и несколько секунд перед аплодисментами царит восхищенное молчание.

– Н-да-с, н-да-с, н-да-с, – скучающе говорит Кузя. – Хороший рассказец, очень славный. Только я его уже читал у другого писателя раньше.

– У кого ты читал?.. – полусмущенно, полусердито допрашивает Мотылек.

– У этого, как его... забыл фамилию. И фабула та же, и даже выражения одинаковые.

– Нет, так нельзя, – стонет возмущенный Мотылек. – Ты обязан указать, где ты читал!!

– Да это не важно. Чего ты волнуешься. Я где-то в немецком журнале читал...

– Да ведь ты не знаешь немецкого языка!

– А ты знаешь?

– Я-то знаю.

– Ну, вот, значит, ты и «воспользовался». А мне переводил один знакомый. Ну, прямо-таки у тебя слово в слово, что и там. Знакомого Семен Семенычем зовут, – заканчивал Кузя, заимствуя этот прием «достоверности» у Новаковича.

Мотылька такая неуловимая туманная клевета расстраивала почти до слез. В самом деле – пойди проверь: «Твердо знаю, что читал то же самое в немецком журнале, а в каком – не помню».

Однако в глубине души тот же Кузя признавал большой литературный талант Мотылька, и они часто с Меценатом в интимной беседе горевали, что их столь одаренный приятель не может добиться известности. Вот каковы были люди, организовавшие шутку в «титанических размерах», по словам одного из них, избрав целью этой шутки глуповатого, наивного, как дитя, но самоуверенного в своем простодушии юношу...

Глава VI

меценат и его клеветы продолжают развлекаться

Несколько дней спустя после первого появления Куколки можно было наблюдать в знаменитой квартире Мецената мирную семейную картину: сам Меценат, облаченный в белый халат, прилежно возился около станка, на котором возвышалась груда сырой глины, и под его проворными гибкими пальцами эта груда принимала постепенно полное подобие сидящего тут же в гордой позе Мотылька.

В другом углу обнаженный до пояса могучий Новакович тренировался гантелями, широко разбрасывая свои страшные, опутанные, как веревками, мускулами руки, ритмично сгибаясь то в одну, то в другую сторону...

– Телохранитель! – воззвал Меценат, округляя большим пальцем лоб глиняного Мотылька. –

У меня руки в глине, а, как назло, щека зачесалась. Почеши, голубчик.

– Которая? – деловито приблизился к нему Телохранитель. – Эта, что ли?

Он почесал Меценатову щеку и, склонив голову на сторону, уперев руки в бока, принялся разглядывать произведение Мецената.

– Морщин маловато, – критически заметил он. – Еще бы десяточек подсыпать.

– Довольно, довольно! – испуганно закричал Мотылек. – Ты рад из меня старика сделать!

– Ну, какой же ты старик! У тебя только кожа на лице плохо натянута. Ты бы сходил к обойщику перетянуть.

– Отстань, черт.

– Мотылек!

– А?

– Сколько парикмахер берет с тебя за бритье?

– Что значит – сколько? Обыкновенную плату: 15 копеек.

– Да ведь работы-то ему какая уйма! Сначала должен выкосить все бугорки и пригорки, потом, перекрестившись, спуститься в мрачные ущелья твоих морщин и там, внизу, во тьме, спотыкаясь, почти ощупью бедняга должен выкорчевать все пеньки и корни.

– Ну, поехал. Глупо.

– Был у меня, братцы, приятель, – начал, сев верхом на стул, Новакович одну из своих идиотских историй, которые он всегда рассказывал с видом полной достоверности. – И у этого приятеля, можете представить, совершенно не росли усы. А дело его молодое – очень ему хотелось каких-нибудь усишек. И придумал он вещь неглупую: выдрал с затылка сотни две волосков вместе с луковицами, потом сел у зеркала, вооружился увеличительным стеклом, иглой и – пошла работа! Иглой ткнет в верхнюю губу и сейчас же туда волос с луковицей ткнет и луковицу в дырочку посадит. Прямо будто виноградные черенки сажал.

– Врешь ты все, Телохранитель.

– Не такой я человек, чтобы врать – эта история потом наделала в сферах много шума. Посадил он, стал каждое утро водичкой поливать. И что ж вы думаете – ведь принялась растительность! Но только ужас был в том, что растительность эта, новенькая-то, не лежала на губе, как у других, под углом в 45 градусов, а торчала перпендикулярно, потому что он луковицы торчмя вгонял. Очень терзался бедняга.

Меценат, выслушав эту историю, рассмеялся, а Мотылек возмущенно воскликнул:

– Телохранитель! Всякому вранью есть границы.

– Ты думаешь, я вру? А если я тебе назову фамилию этого человека – Седлаков Петр Егорыч, – тоже, значит, вру? Он жил на Кирочной, а теперь переехал не знаю куда. Можешь сходить к нему. Эта история подробно описана в одном немецком жур... А! Кузя! Откуда Бог несет?

Кузя влетел, бодро помахивая пачкой свежих газет.

– Вот, друзья, какова сила печати! Не только Куколку – берусь Анну Матвеевну всероссийской знаменитостью сделать.

– А что?

– Вот! Заметка первая – в «Столичном Утре». «На днях в роскошном особняке известного Мецената и покровителя искусств (это я вам так польстил, Меценат) в присутствии избранной литературно-артистической публики (Мотылек, цени, это я о тебе так!) впервые выступил молодой, но уже известный в литературных кругах поэт В. Шелковников. Он прочитал ряд своих избранных произведений, произведших на собравшихся неизгладимое впечатление...»

Одобрительный смех встретил эту заметку.

– Это не все, господа! Вот литературная хроника «Новостей Дня»: «В литературных кругах много толков вызывает появление на нашем скудном небосклоне новой звезды – поэта Шелковникова. По мощности, силе и скульптурной лепке стиха произведения его, по мнению знатоков, оставляют далеко позади себя таких мастеров слова, как Мей и Майков. В скором времени выходит первая книга стихов талантливого поэта».

– Ай да старушка в избушке верхом на пушке! – воскликнул Мотылек, злорадно приплясывая. – Смеху теперь будет на весь Петербург.

– И, наконец, последняя заметка, – самодовольно улыбаясь, сказал Кузя. – «Нам сообщают, что Академией наук возбужден вопрос о награждении Пушкинской премией молодого поэта В. Шелковникова, произведения которого наделали столько шума». Все!!

– Кузя! Да как же редакторы газет могли напечатать такую галиматью?

– Э, что такое редакторы, – цинично рассмеялся Кузя. – Они по горло сидят в большой политике, и их сухому сердцу позиция Англии в китайском вопросе гораздо милее и ближе, чем интересы родного искусства... Признаться, в своей газетке я заметочку сам подсунул, в чужих – приятелей из репортеров подговорил... Сейчас у «Давыдки» стон стоит от хохоту. Там уже балладу сложили насчет скрипучей старушки, признаться, очень неприличную.

– Интересно бы сейчас увидеть Куколку... Вот, поди, именинником ходит!

– А ведь он, ребята, по своей глупости все это всерьез примет!

– Портрет свой у Дациаро выставит!

– Фабриканты выпускают папиросы «Куколка». Громкий смех веселой компании заглушил робкий стук в дверь.

Только чуткий Меценат расслышал:

– Стучат, что ли? Кто там? Входите!

Вошел он... Куколка. Элегантный, дышащий свежестью молодости.

Оглядел всю компанию своими мягкими лучистыми глазами и кротко улыбнулся.

– Я вам помешал, господа? Вы почему-то очень громко смеялись?

– Это я о своем отце рассказывал, – нашелся Телохранитель, – понимаете, он был до того высок ростом, что, когда ему приходилось высморкаться в платок, он на колени становился.

– Как странно, – удивился Куколка. – Зачем же это он так?

– А вот спросите! Глеб Иванович его звали. Куколка помедлил немного, потом глаза его засияли небесным светом, и он тихо сказал:

– Господа... я, может быть, глуп и неловок, я сам сознаю это... И ненаходчив тоже. Но я сейчас пришел сказать вам, что... *таких людей, как вы*, я встречаю первый раз в своей жизни!!!

Это горячее восклицание Куколки было так двусмысленно, что все опасливо переглянулись.

– Неужели сорвалось? – испуганно пробормотал Мотылек на ухо Меценату. – Неужели догадался?

– Куколка, – сухо сказал Кузя. – Мы не понимаем – что вы хотите сказать этими словами? Мы такие горячие почитатели вашего чудного таланта...

– Я знаю, знаю! – в экстазе воскликнул Куколка. – Вот поэтому-то я и говорю, что людей, подобных вам, я встречаю впервые в жизни! До встречи и знакомства с вами все другие, даже друзья мои, – только бессмысленно трещали мне в уши, говорили мне хорошие слова, а вы не только обласкали меня, но и сделали для совершенно неизвестного вам человека то, чего не сделал бы и отец родной! Вы мне дали крылья, и я, до сих пор скромно ползавший, как червяк, по пыльной земле, теперь чувствую себя таким сильным, таким... мощным, что кажется мне – несколько взмахов этими сильными новыми крыльями, и я взлечу к самым небесам!!

– Куколка, не улетайте от нас, – сентиментально попросил Новакович.

– О нет! Вы для меня теперь самые родные, и я вас никогда не покину!! Я должен быть около вас, вдыхать, впитывать тот благородный аромат чистой поэзии, который вас окружает и который я буду вдыхать одной грудью с вами. До встречи с вами я был мелок и вял – теперь я будто окреп и вырос! Друзья! Я, конечно, знаю, что в ваших газетных заметках обо мне много дружеского преувеличения, многого я еще не заслужил... Но, друзья! Я сделаю все, чтобы оправдать эти ваши даже преувеличенные надежды на меня! Теперь у меня появился смысл и цель работы, и я клянусь вам, что наступит время, когда вы сами будете гордиться мной, и скажете вы тогда: «Да, это мы поддержали первые робкие шаги Куколки и это благодаря нам он сделался тем человеком, который и свою долю внес в благородный улей русского искусства...» И когда румяный Феб взметнет свою золотую колесницу к солнцу...

– Коньяк-то... дома будете хлестать али куда пойдете? – деловито спросила Анна Матвеевна, незаметно вошедшая во время пылко-го монолога Куколки. – Ежели дома, то я послала бы за коньяком... Что было старого запаса – как губки высосали!

– Кальвия Криспинилла! – завопил Мотылек. – Как вы можете говорить о пошлом земном коньяке, когда мы пили сейчас божественный напиток, изливающийся из уст Куколки!..

– Анна Матвеевна! – высокопарно сказал Новакович. – Вы вошли в ту самую минуту, когда, может быть, в мире в муках рождался истинный, Божьей милостью поэт!..

И прозаично dokonчил шепотом:

– Нет ли у вас сахарцу, многоуважаемая? Я бы пожевал сладенького.

– Бестолковый вы народ, как погляжу я на вас, – проворчала Анна Матвеевна, доставая из кармана горсть сахара и суя в руку Новаковича. – А ты чего, сударь, с ними разговариваешь? Погубят они тебя. Плюнул бы на них да пошел бы прочь, в хорошую чистую компанию.

– Имею честь кланяться, – ласково приветствовал ее Куколка. – Как ваше здоровье, дорогая Анна Матвеевна?

– Здравствуй, здравствуй, голубчик! – благосклонно кивнула ему головой нянька. – Какое там наше старушечье здоровье. С ногами что-то нехорошо. Не то ревматизм, не то что другое.

– Муравьиным спиртом советую натереть, – авторитетно посоветовал Куколка.

– Как приятно видеть, – тонко усмехаясь, сказал Меценат, – сочетание в одном лице Эскулапа с Аполлоном. Куколка, будем пить коньяк?

– Я... собственно, не пью...

– Но выпьете. Выпьем за появление на свет нового поэта, большой успех которого я провижу духовными очами!

– О, как вы все добры ко мне! – чуть не со слезами воскликнул Куколка, поворачиваясь во все стороны. – О, какая сладкая вещь – дружба!

– То-то и оно! Кальвия Криспинилловна – распорядитесь.

– Какая я тебе Кальвия, – огрызнулась старуха. – И то это за человек? В морщинах весь, а ругается.

– Да морщины-то, может, и породили во мне скепсис, мамаша. Будь я такой красавчик, как Куколка... О-о! Тогда бы я покорил весь мир.

Глава VII

мотылек показывает зубы

Когда на столе появился коньяк и закуска, Мотылек первую рюмку выпил за успех Куколки.

– Куколка! – воскликнул Кузя. – Хотите, я научу вас играть в шахматы? Это разовьет точность мысли и способность к комбинациям, что никогда не помешает такому поэту, как вы.

– Да ведь я уже играю в шахматы, – с сияющей улыбкой признался Куколка. – Только плохо.

– «Знаем мы, как вы плохо играете». Новакович дружески посоветовал:

– Куколка, раз вы теперь входите в известность – вам бы сняться нужно. Будете дарить поклонникам свои портреты.

– Да я уже и снялся. Позавчера. У Буассона и Эглер. Они обещали, что портреты будут превосходные.

Все значительно переглянулись, а Меценат одобрил:

– Молодец. Не зевает. Действительно, надо ковать железо, пока горячо. Фрак бы вам тоже нужно. Для публичных выступлений.

– Вчера заказал у Анри. Хороший будет фрак.

– Ну и Куколка же! Вот голова! Обо всем подумал.

– Я и книжку своих стихов собрал, – застенчиво признался Куколка. – Вдруг найдется издатель, ан книжка уже и готова.

– Что это за человек, – чуть не захлебнулся коньяком Мотылек. – Только что-нибудь подумаешь, а он уже все предвидел и все сделал. В одном теле и Аполлон и Наполеон.

– Господа, – воскликнул Меценат. – Я предлагаю устроить пышный праздник коронавания Куколки в поэты! Устроим это у меня, и тогда можно будет пригласить и Яблоньку. Я сначала думал снять отдельный кабинет в какой-нибудь таверне, но в таверну Яблонька не пойдет.

– Праздник с Яблонькой?! – пришел в восторг Кузя. – Да это же будет великолепно!

– Кто это – Яблонька? – с любопытством спросил Куколка.

Новакович заметно удивился:

– Яблонька-то? Если вы не знаете Яблоньки – вам не знакома подлинная красота мира, вы не поймете понастоящему смысла в шелесте изумрудной травы, вы не поймете музыки журчания лесного ручья, пения птицы и стрекотания кузнечика – одним словом, в Яблоньке вся красота мира видимого и невидимого...

– Послушайте, Новакович, – радостно сказал Куколка, – да ведь вы тоже поэт!

Раздался общий смех, который окрасил мужественные ланиты Новаковича в ярко-багровый цвет. Он смущенно пробормотал:

– Не обращайтесь на них внимания, Куколка. Они бывают иногда утомительно глупы. Они ничего не знают.

– Нет, мы многое знаем. Я, например, знаю способ, с помощью которого физическое напряжение мускулов путем перегонки превращается в букет дорогих, привозимых из Ниццы белых роз и гвоздик!

– Кузя! На шкаф посажу!

– Ты меня можешь засунуть даже в карман... Но тогда у тебя в кармане, как говорил один древний мудрец, будет больше ума, чем в голове!

Меценат заинтересовался:

– Да как же это можно, Кузя: перегонять человеческую мускульную силу в цветы?

– Ах, вы не знаете, Меценат? А как вы назовете это, если человек вопреки своим спортивным принципам напяливает на голову черную маску, поступает инкогнито в цирковой чемпионат, кладет на лопатки несколько идиотов, получает за это деньги и вместо того, чтобы сшить себе новый костюм, посылает Яблоньке букет роскошных белых роз в день ее рождения?! Так сказать: цветок цветку.

Новакович сидел, опустив голову, угрюмый, совершенно раздавленный ядовитым рассказом Кузи.

Меценат внимательно глядел на Новаковича и вдруг покачал своей мудрой беспутной седющей головой. В глазах его на один миг мелькнула чисто отеческая ласка.

– Телохранитель! Я и не знал о твоих подвигах на арене! На кой черт ты это сделал? Превосходно мог бы взять деньги у меня. Тем более – для Яблоньки.

– Вы знаете, Меценат, – тихо сказал Новакович, – я залезаю в ваш карман без всякой церемонии слишком часто и знаю, что вы выше этих пустяков, но я хотел сделать Яблоньке приятное на собственные заработанные деньги.

Кузя захихикал:

– Как заработанные? Как? На этих белоснежных лепестках сверкала не роса, а капли борцовского пота, выдавленного из несчастных «чемпионов Африки и Европы» твоими медвежьими нельсонами...

– Кузя! Ты можешь об этом больше не говорить? – нахмурился, сказал Новакович.

– И верно! – увесисто подкрепил Меценат. – Где замешана Яблонька – клеветы должны безмолвствовать.

Кузя вдруг завопил:

– Шапки долой перед святой красотой!! Телохранитель, я люблю тебя.

– Я был бы счастлив познакомиться с этой достойной девицей, – жеманно заявил Куколка.

– Я думаю! Губа-то у вас не дура. Я того мнения, Меценат, что Яблонька должна короновать нашего поэта собственными руками... А?

– Конечно, впрочем, я разработаю подробный ритуал всего празднества. Куколка! Куда же вы?

– А мне нужно спешить... Я должен обработать одно мое стихотворение...

– Неужели такое же, как о старушке в избушке?! – восторженно ахнул Кузя.

– Нет, в другом роде. Однако неужели, господа, вам так понравилась «Печаль старушки»?

– О, это вещь высокого напряжения. То, что немцы называют: «Шлягер»! Я ее недавно декламировал в одном доме – так все чуть с ума не сошли!

- Ей-богу? – расцвел Куколка. – И за что вы все так меня любите, не понимаю!
- За талант, батенька, исключительно за талант! За редким растением и уход особенный.
- Спасибо. Хотите, я свои новые стихи посвящу вам?
- О, достоин ли я такой чести, – сказал Кузя таким жалобно-уничижительным тоном, что

Новакович отвернулся и прыснул в кулак.

А Куколка, ничего не подозревая, обводил всех ясным доверчивым взглядом, и сияла в этом взгляде ласка и собачья любовь к каждому из них.

– Жалко мне с вами расставаться, но ничего не поделаешь: искусство выше всего. Зайду только проститься с уважаемой Анной Матвеевной и помчусь домой. До свидания, мои хорошие.

Он вышел. Все помолчали. Потом Новакович почесал затылок и сказал:

– Меценат! Каков экземпляр, а? Это я его нашел. И за такого человека я получил всего 25 рублей. То есть так продешевить могу только я. Нет, не гожусь я в торговцы живым товаром.

– Послушайте-ка, господа, – и Меценат озабоченно обвел взглядом клеветов. – Шутка наша хороша, конечно... Она забавна, тонка и остроумна. Но как мы из нее в конце концов выпутаемся?! Представьте себе, что этот бездарный идиот вдруг действительно каким-нибудь чудом выпустит книжку своих стихов. Что тогда? Ведь скандал будет на весь мир?!

Мотылек, сидевший до этого в глубокой задумчивости, вдруг вскочил и, собрав свое лицо в такие складки, что они оказались трепетавшим клубком судорожно извивавшихся змей, вдруг прошипел с самой настоящей злобой в голосе:

– И пусть! И пусть! Я давно уже жажду такого звонкого мирового скандала! Ведь подобного болвана, как эта Куколка, в сто лет не отыщешь! И какой самоуверенный болван! Пусть будет скандал! Так и надо! Так и надо!

– Чего ты, – даже отшатнулся от него Кузя. – Смотрите, взбесился человек! Лицо-то у тебя – будто черт лапой смял. Эй, морщины! Вольно! Марш по местам!

– Я давно, давно поджидал такого случая!! Обратите внимание на меня! Я пишу, творю вещи кровью моего мозга, изливаю лучшие свои чувства, щедро бросаю в тупую толпу целые пригоршни подлинных бриллиантов – и что же?! Я, как слизьяк, пребываю во тьме, в неизвестности! Критика даже не замечает меня, публика глотает мои произведения, как гиппопотам – апельсины или как та гоголевская свинья, которая съела мимоходом цыпленка и сама этого не заметила!! Так я ж тоже плюю на них на всех! Более того! Я хватаю эту Куколку и швыряю ее им всем в гиппопотамью морду!! Натте, нате вам! Вот достойный вас поэт. Смакуйте его, жуйте вашими беззубыми челюстями! Эввива, поэт Шелковников! Кузя!! Друг ты мне или нет? Так пиши еще о Шелковникове, звони, ори на весь мир – я буду тебе помогать! Я буду читать лекции о новом поэте Шелковникове, устрою целый ряд докладов, лекций, рефератов – и когда толпа, как стадо, ринется к его ногам, я плюну им в лицо и крикну: «Вот ваш бард! Я, как Диоген с фонарем, отыскал самое бездарное и самоуверенное, что есть в мире, и, хохоча, склонил ваши воловьши шеи перед этим апофеозом пошлости! Кланяйтесь ему, кланяйтесь, скоты!»

Он упал в кресло и, закрыв лицо руками, погрузился в молчание.

Остальные трое, ошеломленные этой неожиданной бешеной вспышкой, стояли вокруг него, не зная, что сказать. Они хорошо знали Мотылька, но сейчас на них глянуло совсем другое, новое лицо этого беззаботного человека.

Когда же молчание сделалось невыносимым, Кузя решил смягчить общее настроение.

– Здорово! – усмехнулся он. – Мы-то в простоте душевной думали, что «игра с Куколкой» – просто новенькая забава скучающей части русского мыслящего общества, а Мотылек – вишь ты, дай Бог ему здоровья – взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент... Умная голова – наш Мотылек!

Меценат засвистел, подошел к неоконченному бюсту Мотылька и, оглядывая свое произведение, сказал:

– Попробую сделать тебе такое лицо, которое я видел сейчас, и назову это произведение: «Ярость».

– Трудно это, Меценат! – подхватил Новакович. – Для морщин на лице места не хватит.

Все шутили, но... в глубине души были очень удивлены. Чрезвычайно.

Впервые веселый Мотылек повернулся ко всем столь неожиданной стороной своей разнообразной натуры.

Глава VIII о яблоньке и ее физических и душевных свойствах

У Мецената и его клеветников была непонятная страсть: награждать всех, кто с ними соприкасался, прозвищами. Этим как будто вносился какой-то корректив в ту слепую случайность, благодаря которой человек всю жизнь таскает на своих плечах имя, выбранное не по собственному вкусу или вкусу других, а взятое черт знает откуда: почему этот элегантный, одетый с иголки парень именуется Иван Петрович Кубарев, а не Виктор Аполлоныч Гвоздецкий, почему та пышная черноволосая красавица называется Людмила Акимовна, когда по всяким соображениям гораздо более подходило бы ей пышное черноволосое имя: Вера Владимировна?

Бессознательно, но, вероятно, именно поэтому «клеветы» крестили всех окружающих по своему.

Самой удачной, меткой кличкой у компании считалось Полторажида – кличка, которую прицепили к невероятно длинному рыжему унылому еврею-портному, часто освежавшему несложный гардероб клеветников.

И совсем уж несправедливо звучала «Кальвия Криспинилла» – *Magistra libidinium Neronis*, как окрестили добрую русскую няню Анну Матвеевну... В ее характере ничего не было общего с «профессоршей Неронова разврата», хотя Мотылек и божился, что она не только снисходительно относится к объектам Меценатовых сердечных увлечений, но даже сортирует их на «стоящих» и «не стоящих» и ведет с ними по телефону длинные беседы принципиального свойства.

Одной из удачных кличек считалась также сокращенное «Яблонька», или официальное – «Яблонька в цвету», потому что это поэтическое название вполне соответствовало внешности Нины Иконниковой.

Высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шелковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнущая яблочным цветом, с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко. Походка у нее была изумительная: идет и вся вздрагивает, будто невидимые волны пробегают по телу, будто спелый колос волнуется от налетевшего теплого летнего ветерка...

Однажды некий экспансивный прохожий не выдержал: остановился посреди улицы, сложил молитвенно руки и пылко воскликнул:

– Боже мой! И пошлет же Господь в мир такую красоту!

Она несколько не была шокирована этим восклицанием; приостановилась и, мило улыбнувшись, поблагодарила:

– Спасибо вам за ласковое слово. Мне приятнее всего, что в вашем комплименте дважды встречается слово «Бог». Значит, что вы хороший человек.

И пошла дальше как ни в чем не бывало, прямая и гибкая, как молодой тополь, по-прежнему приветливо улыбаясь синему небу.

Первым познакомился с Яблонькой Мотылек. Этот расторопный поэт однажды долго шел за ней по боковой аллее Летнего сада и потом, восхищенный, потеряв над собой власть, как он вообще всегда терял власть над своим бурным темпераментом, вдруг подошел к ней и вступил в разговор.

– Куда вы идете? – порывисто спросил он.

– В библиотеку. Книгу менять.

– И я пойду с вами.

– Вы тоже идете книгу менять? – спросила она просто, без всякой иронии.

– Нет... я этого... Давно собирался абонироваться... Да представьте себе, не знаю, как это сделать. Это сложно?

– Совершенно не сложно, – мило рассмеялась она. – Пойдемте, я вам это устрою.

Мотылек бурно зашагал за ней, но, когда оба предстали перед прилавком, на котором лежали толстые каталоги, Мотылек вдруг ощутил, что он оступился и летит вниз головою в глубокую пропасть: он сейчас только вспомнил, что у него в кармане всего тридцать копеек, а плата за абонемент в месяц с залогом превышала эту сумму ровно в семь раз.

– Вот вам бланк, – сказала будущая Яблонька, – обязательно напишите ответы на вопросы и здесь подпишитесь.

Чтобы отсрочить окончательно гибель и позор, Мотылек долго возился над маленьким листком, собирал и распускал свои знаменитые морщины, раза два даже смахнул тайком пот со лба, каллиграфически выписал свою фамилию, сделал росчерк – роковой час расплаты придвинулся вплотную.

– Ну, что ж вы? – поощряла его Яблонька. – Теперь остается только заплатить и выбрать книгу по каталогу.

Мотылек тоскливо поглядел на ее свежие губы, поскреб яростно холодными пальцами затылок и вдруг брякнул:

– Послушайте... Можно вас отозвать в сторону на два слова?

– Что случилось? Пожалуйста. Они отошли в сторону.

– Милая девушка! Видели вы еще когда-нибудь такого мерзавца, как я?

Ее губы дрогнули, и глаза немного затуманились...

– Что вы такое говорите... Разве можно так?

– Мерзавец! – в экстазе воскликнул Мотылек. – Форменный подлец! Слушайте же, как кается Мотылек! Слушай весь православный народ! Книга мне была нужна? По морде мне нужно было хлопнуть несколько раз этой книгой! Ведь это я к вам просто пристал давеча в Летнем саду – пристал, как самый последний уличный нахал!! А вы, святая душа, – даже не догадались! Вы, как Красная Шапочка, доверчиво разговорились с Серым Волком...

– Да вы не похожи на Серого Волка, – рассмеялась одними лучистыми синими глазами Яблонька. – У вас доброе лицо. А я боюсь только пьяных. И то я одного пьяного однажды вечером устыдила. С ними только нужно побольше простой примитивной логики. Подходит он ко мне вечером на Владимирской улице и говорит: «Пойдем со мной, барышня». Конечно, можно было бы позвать городского – в двух шагах стоял, – но мне жалко сделалось этого пьяненького. «Куда же, – я говорю, – мне с вами идти?» – «Пойдем поужинать». – «Смотрите-ка, – говорю, – какая жалость... А я уже поужинала!» – «Да что вы, – опечалился он. – Экая жалость! Ну, вина выпьем, что ли?» – «Вина мне нельзя! Доктор строго запретил». Призадумался: «Как же быть?» – «Уж я и не знаю». – «Что ж мне с вами делать все-таки? А может быть, бокальчик бы одолели? Попытались бы, а?» – «Да нет уж, и пытаться не стоит». Совсем он сбился с толку. «Что ж мне с вами делать?» – «Да уж придется, верно, махнуть на меня рукой. А вы бы спать лучше пошли... а? Вон у вас вид какой усталый. Небось заработались». Всклипнул он, утер мокрые усы и говорит: «А что вы думаете – и пойду! Никто меня не понимает, а вы поняли! Главное теперь – спать». Снял котелок, поклонился – и разошлись мы в наилучшем расположении духа.

– Вот вы какая! – восхитился Мотылек. – Вам бы с Меценатом познакомиться – он бы вас очень оценил.

– Кто этот Меценат?

– Кто?! А вот кто: у вас два рубля есть?

– Есть.

– Дайте мне на несколько минут. Вот спасибо. Теперь я беру вашу книгу – что там у вас? Новая книга Локка. Меценат, наверное, не читал. А вы возьмите свеженькую – и пойдем.

– Куда? – засмеялась Яблонька.

– Я вам долг отдам. Я, миленькая моя, человек честный. Ну, живо, живо!

– Да куда вы меня тащите, сумасшедший человек! Но Мотылек уже запыхался, задергался, как он пытался и дергался всегда... Взял Яблоньку под руку, озабоченно собрал в дорогу все свои морщины и повлек сбитую с толку Яблоньку на улицу.

– Вы очень странный человек, – робко успела пролепетать Яблонька.

– Да уж и не говорите. Кончу я жизнь или знаменитым поэтом или в сумасшедшем доме...

Девушка! Любите ли вы красоту мира? Она во всем: в плакучей иве, склонившейся над тихо плывущей рекой, в угрюмой прямизне петербургской улицы, в новом интересном человеке, а человек этот... Девушка!! Что может быть интереснее Мецената? Нашего доброго мудрого благородного Мецената – этого ленивого льва с львиной гривой на львиной шкуре, льва, наполовину бросившего свою прекрасную львицу – ради красоты, свободы и созерцательности!

– Я вас не совсем понимаю, – мягко возражала Яблонька, пытаясь освободить свою руку.

– И не надо! Сейчас не понимаете – потом поймете! Скоро поймете. Даже сейчас! Вот мы уже у Меценатова подъезда. Эй, швейцар! Немедленно же вызовите из второго номера хозяина – скажите, по очень важному, спешному делу. Живо!

– Вы очень странный, – покачала головой Яблонька. – Очень; но вы не страшный. Только зачем Меценат? Может быть, он занят сейчас чем-нибудь, а вы его отрываете. Не лучше ли в другой раз?

– Ни-ни! Да вот уже его шаги. Видите, как он мягко спускается – как старый добрый лев. А за ним слышен тяжкий бег буйвола – это, конечно, Телохранитель.

Меценат, а за ним Новакович, оба без шапок, выскочили на улицу и, увидев около Мотылька белокурую красавицу, замерли, молчаливые, удивленные.

– Меценат! Я вас сейчас же, сейчас, прямо-таки вот немедленно познакомлю, но... дайте мне сначала два рубля. Вот вам за это книга. Вы абонированы! Локка книга. Читайте ее, она интересная. Ведь книга интересная? – стремительно обратился он к Яблоньке.

– Интересная, – спокойно улыбнулась она, разглядывая странную группу: Мецената в засыпанном пеплом бархатном пиджаке и выглядывающего из-за его плеча мощного студента Новаковича.

– Скорей два рубля, Меценат! Спасибо! Вот вам, благотворительная фея, мой долг, а теперь можно и познакомить вас. Это Меценат. Правда, чудный? А тот пещерный медведь сзади – Телохранитель. Новакович! Дай тете ручку и шаркни ножкой. Господа! Эта девушка – лучшая в столице. Я с ней заговорил на улице, как мерзавец, а она ответила мне, как святая. А красота какая! Хотите, мы будем на вас молиться? Лампадку зажжем! Песнопение для вас сочиним. Телохранитель! Подбери глаза – а то на мостовую рассыплешь. Меценат! Видите, как я вас люблю! Увидел воплощение красоты, и первая моя мысль – о Меценате!.. «Меценат! – подумал я. – Ты будешь бедный, если не увидишь ее хоть издали!» А Новакович, светлая девушка, тоже хороший – двумя руками девять пудов выжимает.

– Мотылек с ума сошел, – усмехнулся первый пришедший в себя Меценат. – Позвольте узнать ваше имя?

– Нина Иконникова.

– А вы знаете, как я вас назвал, когда вы так вот стояли, белая, ласковая, около этого корявого пня? Подумал я: Яблонька в цвету!

– Гип, гип, ура, Яблонька! – заорал Мотылек на всю улицу.

– Вы не обидитесь, – улыбаясь, спросил Меценат, – если я предложу вам зайти к нам отдохнуть от трескотни Мотылька. Они оба люди, которые могут с непривычки ошеломить, но публика, в общем, не страшная.

– Я должна спешить домой, – ответила, подумав, Яблонька, – но, если вы не будете меня задерживать, я минут десять посижу.

– Яблонька, – сказал Новакович, выдвигаясь вперед. – За то, что вы нас сразу поняли и доверились и идете к нам – я отныне даю присягу быть вашим рыцарем, защищать вас от всяких невзгод, а если кто-нибудь посмеет что-нибудь лишнее – оторву голову и суну ему под мышку. Господа! Дорогу Яблоньке!

И, когда Яблонька шагнула на площадку Меценатовой квартиры, Новакович одним движением снял с себя тужурку и почтительно подбросил ее под ножки Яблоньки.

– «И жители восторженно встречали ее, – неизвестно откуда процитировал Новакович, – и расстилали плащи перед ней, чтобы ее нежной стопы не коснулась грубая земля».

– У вас сзади рукав рубашки разорвался, – заботливо заметила Яблонька, осматривая рукав Новаковича. – Если у вас найдется нитка и иголка – я зашью.

– Вот девушка!.. Если бы я был достоин – я поцеловал бы край ее платья, – вздохнул Новакович, толкнув Мотылька плечом.

Яблонька вступила в знаменитую гостиную Мецената и с любопытством огляделась.

– Уютно у вас, а только странно. И солнца мало. Отчего портьеры задержаны? А для пепла полагается пепельница, а не ковер и не плечи бархатного пиджака. Где у вас щетка? Я вас почищу немного...

Яблонька посидела самую чуточку, скушала одну грушу, поправила висящую криво картину и уже надевала перед зеркалом воздушную шляпку, собираясь уходить, как в дверях показалась Анна Матвеевна.

– Экое чудо у нас, – охнула она, разглядывая Яблоньку. – Вы бы, барышня, подальше от них были! Это ведь сущие разбойники – обидят они вас.

– Меня, бабушка, невозможно обидеть, – рассмеялась Яблонька. – Я в Бога верю и всех людей люблю. Какие же они разбойники? Странные немного, но милые.

– Эткими милыми в пекле все дорожки вымощены. Как звать-то вас?

– Яблонька, – выскочил сбоку Мотылек.

– Яблонька и есть. До чего ж ладная девушка. Хоть бы вы их, барышня, усовестили, чтоб коньячища этого не лакали спозаранку...

– Анна Матвеевна! Да ведь мы по рюмочке!

– Знаю, что по рюмочке. В этакую рюмочку тебя и поп при святом крещении окунал. Скушать чего не хотите ли, сударыня?

– Нет, спасибо, мне идти надо... Буду в этих местах – зайду еще посмотреть, как вы тут живете. А коньяк лучше не пейте. Хорошо?

– Сократимся, – усмехнулся Меценат. – А если вам нужны какие-нибудь книги – так моя библиотека к вашим услугам. Ройтесь, разбрасывайте – у нас это принято.

Яблонька ушла, звонко поцеловав Анну Матвеевну на прощание.

После ее ухода нянька подошла к креслу, грузно уселась в него и, посмотрев на победоносно переглядывавшихся клеветов, строго сказала:

– Ну, ребята... Не пара она вам. Не по плечу себе дерево рубите.

– Кальвия, – возразил Мотылек, обнимая ее седую голову. – Где же это видано, чтобы Мотыльки да рубили Яблоньки? Наоборот, я буду порхать около нее, вдыхая аромат, буду порхать – вот так!

Он вспрыгнул на оттоманку, перемахнул на стол, оттуда обрушился на плечи Новаковича и наконец, тяжело дыша, сполз с Новаковича на пол.

– Мотылек, – сказал размягченный Меценат. – За то, что ты сегодня вспомнил, подумал обо мне – я дарю тебе изумрудную булавку для галстука. Она тебе нравилась.

– А я, – торжественно подхватил Новакович, – никогда больше не позволю Кузе говорить, что все твои произведения читал у чужих авторов в немецких журналах!! Ты совершенно оригинальный писатель, Мотылек!

– А я, – проворчала нянька, – оборву тебе уши, если ты будешь бросать мне на ковер апельсиновую шелуху.

– Кальвия! Я вас так люблю, что отныне буду есть апельсины вместе с кожурой.

И все впоследствии не исполнили своих обещаний, кроме Мецената, булавка которого навсегда украсила тощую грудь Мотылька как память о Яблоньке, изредка, как скупой петербургский луч, заглядывавшей в темную Меценатову гостиную.

Часть II чертова кукла

Глава IX в кавказском кабачке

В уютном, увешанном восточными коврами и уставленном по стенам тахтами отдельном кабинете кавказского погребка на Караванной улице заседала небольшая, но очень дружная компания под главным председательством и руководством Мецената.

Кроме него были: Кузя, Новакович и великолепная Вера Антоновна, которая, как это ни странно, но выехала в свет из-за своей лени.

Сегодня как раз был день ее рождения, и Меценат, созвав с утра своих клеветников, предложил отпраздновать этот замечательный, с его точки зрения, день в квартире Веры Антоновны. Но, когда ей сообщили об этом по телефону, она вдруг высказала чрезвычайную, столь не свойственную ей энергию, заявив, что лично прибудет к Меценату для обсуждения этого сложного вопроса.

Приехала и, устало шуря звездоподобные глаза, заявила:

– Послушайте, в уме ли вы?! Ведь это сколько хлопот, возни?.. Да ведь я после праздника буду три дня лежать совершенно разбитая! Неужели вы не знаете, что быть гостеприимной хозяйкой – это нечеловеческий труд! Пожалейте же меня – не приезжайте. Ну, не стыдно ли вам так мучить меня; я ведь красивая и добрая...

Мотылек застонал:

– Кто же, кто вас мучит, Принцесса?! Кто это осмелится, Великолепная (две клички Веры Антоновны, которыми наделили ее неугомонные клеветники при молчаливом одобрении Мецената)?! Укажите мне такого мучителя – и я объем мясо с его костей! Разве мы вас не понимаем?! Действительно – адская работа: встретить каждого гостя отдельно, да скажи ему, подлецу, несколько ласковых слов, да еще, пожалуй, придется ему подкладывать кушанья на тарелку?! А предлагать вино? А приказать переменить приборы?! Да ведь еще же меню сочинять придется! Нам ли с вами такая тяжесть под силу?..

– Да, да, Мотылек! Вот видите, вы меня поняли!

И, когда вся компания покатила со смеху, Вера Антоновна обвела всех недоумевающими глазами и, дернув Мотылька за ухо, сказала:

– Что это? Вы, кажется, издевались сейчас надо мной, Мотылек? Кузя! Пойдите поближе ко мне... Вы единственный, который меня понимает.

– Этот поймет! – засмеялся Новакович. – Вам бы, Принцесса, за него нужно было выйти замуж, а не за Мецената. Был вчера такой случай: захожу я к Кузе, а он лежит в кровати и стонет... «Что с тобой, Кузя?» – «Ах, Телохраниль, испытывал ли ты когда-нибудь мучительную жажду? Я вот уже целый час терзаюсь!» – «Так ты бы воды выпил, чудак!» – «А где же возьмешь, воду-то?» – «Да вот же графин, на умывальнике стоит, в десяти шагах от тебя!» – «Это, – говорит, – не вода». – «А что же это такое?» – «Перекись водорода». Потом стал стонать, как издыхающая лошадь. «Что с тобой?» – «Совсем, – говорит, – я расхворался. А тут из окна дует. Телохраниль, – говорит, – передвинь мою кровать к умывальнику». Ну, и я передвинул кровать к умывальнику вместе с ним... И что же вы думаете? Едва он очутился на таком расстоянии от графина, что мог достать рукой, как схватывает его – и ну глотать жидкость, как ожившая лошадь!..

– Неужели перекись водорода пил? – удивился Меценат.

– Какое! Простая вода в графине была.

– При чем же тут перекись?

– А видите, в чем дело: скажи он мне, чтоб я дал ему воды, я бы из принципа не дал. Не люблю поощрять его гомерическую лень. Вот он и выдумал историю с окном, из которого дует, и с перекисью. Да это еще не все! Прохаживаюсь я по комнате, ругаю его последними словами, вдруг – хлоп! Сапог мой цепляется за гвоздь, высунувшийся из деревянного пола, и распарывается мой старый добрый сапог!! «Кузя! – кричу я. – У тебя тут гвоздь из пола вылез!!» А он мне: «Знаю!» – говорит. «Так чего ж ты его не вытащишь или не вобьешь обратно?» – «А зачем? Я уже привык к этому гвоздю и всегда инстинктивно обхожу его. А посторонние пусть не шляются зря!» Взял я угольные щипцы, вбил гвоздь по шляпку и этими же щипцами отколотил Кузю.

– Грубый у тебя нрав, Новакович, – вяло возразил Кузя. – Как ты не понимаешь, что гвоздь торчал вне моего фарватера, который ведет от кровати к умывальнику и от умывальника к зеркалу. Глупый ты! Ведь гвоздь-то торчал не на моей проезжей дороге!

– Как это вам понравится, Принцесса?!

– Что такое? – медленно подняла на него свои огромные сонные глаза Принцесса.

– Да вот история с Кузей!

– А я, простите, не слышала, замечталась. Кузя! О вас тут рассказывали какую-то историю? Вы здесь самый симпатичный, Кузя. Принесите мне платок из ридикюля. Он в передней.

– Сейчас, – с готовностью откликнулся Кузя, не двигаясь с места. – Вы твердо помните, что ридикюль в передней?..

– Ну да.

– А где именно положили вы ридикюль в передней? На подзеркальнике или на диване?

– Не помню, да вы посмотрите и там, и там.

– У вас какого цвета ридикюль? – допрашивал Кузя, потонув по-прежнему в мягком кресле.

– Ах, ты, Господи! Да ведь не сто же там ридикюлей?!

– Я к тому спрашиваю, чтоб вас долго не задерживать поисками. А то, может, он завалился за диван, так в полутьме сразу и не найду... Кроме того... Ах, вот он!

Он взял ридикюль из рук уже вернувшегося из экспедиции в переднюю Новаковича и любезно протянул его Принцессе.

– Спасибо, Кузя. Вы милый.

– Вот дура горничная, – заметил будто вскользь Новакович. – Забыла в передней ведро с мыльной водой, а чье-то пальто упало с вешалки да одним рукавом в ведро и попало. Мо-окрое!

– А какого цвета пальто? – ухмыляясь, спросил Мотылек.

– Серенькое, кажется.

– Так это ж мое! – испуганно закричал Кузя и, как заяц, помчался в переднюю.

– Действительно ты видел пальто в ведре?

– Ничего подобного. Просто хотел, чтобы Кузя размял себе ноги. Это ему наказание за ридикюль!

Вошла Анна Матвеевна, расцеловалась с Принцессой, села напротив, поглядела на нее, укоризненно покачала головой и вступила с Принцессой в обычную для них обеих беседу:

– Где дети?

– Какие дети? – удивилась Принцесса.

– Как какие? Твои!

– Да у меня, нянечка, нет детей.

– А почему нет?

– Не знаю, нянечка. Бог не посылает.

– «Бог не посылает». Ленъ все твоя проклятая. И в кого ты такая уродилась?!

– В кого? В Венеру Милосскую, – подсказал Мотылек.

– В Кузю, – поправил Новакович. – Впрочем, это одно и то же: если Кузе оборвать руки – получится форменная Венера Милосская для бедных.

– Ах, милые мои, – сказала старая нянька, пригорюнившись. – То есть до чего мне хочется ребеночка нянчить – сказать даже невозможно.

– Да, – грустно улыбнулся Меценат. – Этого товара не держим. Так как же, господа, насчет сегодняшнего торжества?

Мотылек выручил:

– Да очень просто! На Караванной есть превосходный кавказский кабачок с восточными кабинетами. Пойдем туда – чудное винцо!

– А тебе бы только винцо, бесстыдник, – упрекнула нянька.

– Я не виноват, пышная Кальвия. У меня мамка была пьяница. У нее даже два сорта молока было: левая грудь – бургундское, правая – бордосское.

– Тьфу! – негодуя сплонула Анна Матвеевна. – С вами поговоришь – только нагресишь. В постный день оскоробишься.

Решили идти на Караванную. Мотылек заявил, что он еще должен заехать в редакцию своего журнала, устроить редактору скандал, после чего не замедлит явиться; а все прочие с гамом и шумом, резко выделяясь на сонном фоне невозмутимой статуарной Принцессы, зашагали по улице, и, когда ввалились в кабачок, изо всех занятых кабинетов высунулись обеспокоенные шумом голо-

вы.

Вера Антоновна выбрала самый уютный уголок, окружила себя подушками и замерла, как изумрудная ящерица на горячем солнце, откинув на спинку дивана свою великолепную голову.

– Что вы будете кушать, Ваше Высочество? – спросил Меценат, нежно целуя ее руку. – Есть шашлык карский, есть обыкновенный.

– А какая разница? – осведомилось дремлющее Ее Высочество.

– Обыкновенный шашлык маленькими кусочками, на вертеле, карский – большим куском.

– Так его еще резать надо? Лучше тогда обыкновенный!

– И мне! – присоединился Кузя.

Через двадцать минут приехал Мотылек. Губы его дрожали, и глаза метали гневные молнии. Число морщин на лбу возросло в угрожающей лицу прогрессии.

– Подлецы! – закричал он еще с порога. – Подлые рабы!

– Что случилось, Мотылек? – беспокойно глянул ему в глаза Меценат. – Ты чем-то расстроен?

– Ах, Меценат! Вы представить себе не можете, что за олух наш редактор! Я уже три года секретарь журнала и считаю, что приобрел себе известный вес и положение... Сдаю в набор свое стихотворение «Тайна жемчужной устрицы», помните, еще оно вам очень понравилось, вдруг он мне заявляет: «По техническим условиям не может быть напечатано!» – «Это что еще за технические условия?!» – «Размер велик! 160 строк». – «Да ведь стихотворение хорошее?!» – «Замечательное». – «Так чего ж его не напечатать?!» Он опять: «Потому что длинное!» – «Но ведь хорошее?» – «Хорошее». – «Так почему не напечатаете?» – «Размер велик». Взвыл я. «У Пушкина, – говорю, – поэмы были на две тысячи строк! Вы бы и Пушкина не напечатали?!» – «Нет, – говорит, – не напечатал бы». Ну, знаете, Меценат... Насчет себя бы я еще мог простить, но – Пушкин! Озверел я. «Да вы знаете, кто такой. Пушкин?!» – «А вы знаете, что такое технические условия?» Я ему Пушкиным по голове, а он мне техническими условиями по ногам. Встал я и говорю: «Сегодня мой приятель Новакович о Кузин гвоздь сапог разорвал!» – «А мне, – говорит, – какое дело?» – «А такое, что – не почините ли?» – «Что я вам, сапожник, что ли?» Я и говорю: «Конечно, сапожник!» Крик у нас был на всю редакцию. «Вы, – говорит, – невоспитанный молодой человек!» – «А вы воспитанный в цирке старый осел, умеющий скакать только по ограниченной арене!» Забрал свои рукописи, хлопнул дверью и ушел.

– Промочи горло, Мотылек, – посоветовал Новакович. – Хочешь, я пойду отдую твоего редактора?

– Нет, я ему лучшую свинью подложил! Иду к вам, встречаю нашу знаменитую Куколку. «Что с вами, Мотылек?» – «Куколка! Вы, как человек тонких эмоций, как Божьей милостью поэт, меня поймете!» Рассказал ему всю историю, а он мне: «А знаете, Мотылек, Пушкин действительно очень пространно писал. Теперь так уже не пишут! Нужна концентрация мыслей». Посмотрел я на него и говорю: «Пойдите к редактору, попроситесь в секретари – он вас с удовольствием возьмет!» А он замялся да и спрашивает меня таково деликатно: «Я не знаю, как и быть. Боюсь, что это будет не по-товарищески по отношению к вам...» – «Ничего, идите. Я буду очень рад. Все равно в этом доме мне больше не бывать!» Он и потащился. Воображаю разговор этих двух ослов! Кстати, я его потом сюда пригласил. Вы не против этого, Меценат?

– Я очень рад! Послушайте, Принцесса! Вы ничего не будете иметь против, если сюда придет один очень милый, воспитанный молодой человек?

– А он меня не заговорит? – опасливо спросила Принцесса.

– То есть как?

– Да вдруг начнет меня расспрашивать – бываю ли я в театрах... или еще что-нибудь? Тоска!

– Не бойтесь, Великолепная, – хитро ухмыльнулся Кузя. – Мы представим ему вас как настоящую кровную принцессу... Язык у него и прилипнет к гортани...

– Ну вот, глупости... Я не хочу быть самозванкой.

– Ну, Принцессочка, позвольте. Мы ведь в шутку... Он так глуп, что всему верит! Сделайте этот пустяк для нас.

– Это будет сложно?

– Ни капельки! Сидите, как великолепная статуя, а мы около вас будем порхать и щебетать, как птички.

Глава X тосты. первая удача куколки

Когда подали вино и шашлыки, произошло общее движение, полное восторга, почти экстаза. Новакович глянул хищным оком на шашлыки и простонал:

– О, как я люблю этого зайца!

– Да это не заяц, а шашлыки.

– Ну, все равно, я люблю эти шашлыки.

И блестяще доказал это. Шашлыки понесли от его зубов полное поражение. Увлеченный его аппетитом, Меценат заказал еще несколько порций, потом встал с бокалом в руках и провозгласил:

– Этот бокал я выпью за вечную немеркнущую красоту мира! И воплощение этой красоты в сегодняшней нашей имениннице – Принцессе, которая одной своей улыбкой способна осветить все кругом! О, конечно, вы можете возразить мне, что женская красота – предприятие непрочное, но я смотрю на это шире: когда красота поблекнет, когда наступит мудрая красивая старость, за ней смерть, а потом разложение жизненной материи на первоначальные элементы, то из элементов моей дорогой жены снова получится что-либо не менее прекрасное: вырастет стройная белая кудрявая березка, под ней свежая шелковая травка, а над ней проплывет душистое жемчужное облачко, прольется несколькими жемчужными каплями и протечет светлым ручейком... И во всем этом – в березке, в облачке, в мураве и в каплях весеннего дождя – будет часть красоты моей прекрасной жены, именины которой мы сейчас так чинно и благородно празднуем. Принцесса! За ваше великолепное здоровье!!

– Вот тебе, – прошептал пригорюнившийся Новакович, – начал Меценат за здоровье, а кончил за упокой. А интересно, братцы, куда, в какие элементы перейду я после смерти?

– В силу справедливости, – ухмыльнулся Кузя, – ты бы должен был целиком перейти в барана...

– Почему? – грозно спросил Новакович.

– Потому что сейчас целый баран со всеми своими элементами, и даже с почками, которые ты стащил с моей тарелки, потому что целый баран перешел в тебя.

Нет, господа, вот я скажу речь, так это будет речь, а не разложение живого человека на первичные элементы. Друзья! Никто из вас так не понимает Принцессу, как я. Нам говорят: «Вы ленивы! Вам не хочется даже пальцем пошевелить, лишний шаг сделать...» Слепцы! Да разве ж это не самое прекрасное, не самое благодетельное в мире?! Вот мы ленивы – да разве ж мы способны поэтому сделать кому-нибудь зло? Ох, бойтесь, господа, активных людей! Мы-то, может быть, наполовину и приятные такие, что мы ленивы. Да дайте Принцессе подвижной, деятельный характер, дайте ей инициативу – сколько она нашего мужского человека погубила бы на своем пути?! Этакая красавица, да если бы она не дремала в прямом и переносном смысле этого слова – ряд мужских трупов окружил бы ее, как цветочная гирлянда на голове неумолимой богини Кали! Есть чудачки, которым мил ураган, разметывающий тучи, как щепки, ломающий вековые деревья и срывающий с домов крыши, есть любители бешеной бури на море, когда скалы стонут под напором озверевших волн! Я не из их числа! Мне мила тихая зеркальная заводь, где дремотные ивы, склонясь, купают свои элегические зеленые ветви в застывшей воде и где я вижу свое отражение, тоже мирное, кроткое, не возмущенное рябью никакого беспокойного ветра!

– Однако ты довольно ловко приплел себя к этому тосту, – ядовито перебил его Мотылек, – все «я» да «я»! «Мне мило то-то», «я смотрю туда-то», «я люблюсь собою там-то и там-то». Нарцисс паршивый.

– Молчи, изгнанник из редакционных недр! Придержи язык, заступник Пушкина! Я перехожу сейчас непосредственно к Принцессе. Сегодня вместе с ней на нас сошла сама прекрасная Тишина, наши души окутал сладкий покой нирваны, мы будто стоим на берегу южного знойного мо-

ря, заснувшего в такой прекрасной неге, что взять бы крикнуть: «Остановись, мгновение, на всю жизнь! Ты прекрасно!» Но не хочется нарушать криком этого знойного душистого молчания, и стоишь так молча – зачарованный колдовской волшебной царицей лени и сладкой неподвижности. За ваше здоровье, Принцесса! Вы согласны со мной?

– А? Что вы такое сказали? Я, признаться, немного замечталась... Простите!

Общин смех не смутил Кузю. Он сделал рукой знак помолчать.

– Не гогочите. Клянусь вам, что в жизни своей я не произносил такой длинной речи, и еще клянусь, что вопрос великолепной Принцессы есть лучшее подтверждение моих слов и лучший для меня комплимент. Я сейчас молился, понимаете вы это? Моя душа звенела, как Эолова арфа... Мотылек, дай мне спичку.

– Какую тебе спичку?! Моя коробка у меня в пальто, а твоя лежит около тебя.

– О толстокожий! Как ты не понимаешь, что твоя коробка в пальто ближе к тебе, чем моя здесь же на столе! Тебе легче...

– Я не помешаю? – раздался мягкий голос из-за портьеры. – Можно к вам?

Вошел Куколка, свежий, застенчиво улыбающийся красными пухлыми губами, как всегда, безукоризненно одетый – в свежий черный костюм, в элегантном галстуке, с перчаткой на левой руке...

– А, Куколка! Вас только и недоставало до ансамбля. Входите! Позвольте вам представить. Это Ее Высочество принцесса Остготская. Ваше Высочество! Разрешите вам представить нашего юного друга, чудного поэта, для которого наши духовные очи провидят большое будущее.

– Очень счастлив, – сказал, склоняя кудрявую голову, Куколка. – Мое имя Шелковников Валентин... мое отчество...

– Подробности письмом, – бесцеремонно перебил его Мотылек, целуя вместо него на лету белую душистую руку, протянутую Принцессой, – садитесь, сын Аполлона. Ну, что... вас можно поздравить? – осведомился он, подмигивая всей компании.

– С чем?

– С секретарским местом! Ведь я же вас давеча туда направил.

– Ах, – вспыхнул Куколка, – а я и забыл поблагодарить вас! Экая неучтивость. Вы знаете, Мотылек... (Вы позволите мне вас так называть?) родной брат не сделал бы мне того, что сделали вы!

– Да что такое? – нервно перебил его Мотылек.

– Дело в том... (Ох, как я вам благодарен. О, какая, господа, это великая вещь – дружба!) Дело в том, что я пошел почти безо всякой надежды... единственно потому, что решил во всем вас слушаться. Ведь я знаю, что вы желаете мне добра...

– Да не мямлите. Ближе к делу! – проскрежетал нетерпеливо Мотылек.

– Ну, что ж... Ваш редактор оказался очень симпатичным. Когда он узнал, что я тот самый поэт Шелковников, о котором последнее время так много писали в газетах, то сделался вдвое любезнее. «Буду, – говорит, – счастлив сделать для вас все что ни попросите». – «Я, – говорю, – слышал, что у вас освободилось место секретаря редакции, так вот нельзя ли?...» – «Видите ли, – говорит, – мой принцип – избирать себе помощников только среди людей, хорошо мне известных, но я вижу, что характер у вас хороший, покладистый, да и имя вы себе уже коекакое приобрели... А кроме того, явились вы под горячую руку!! Так что приступайте с Богом к своим обязанностям...» – «Простите, – говорю я, – я буду согласен на все ваши условия, но разрешите мне поставить только одно свое: я могу занять место лишь тогда, если вы пообещаете напечатать стихи моего предшественника – „Тайна жемчужной устр...“»

– Ни за что! – дико закричал Мотылек, вскакивая с места. – Кто вас просил ставить такие условия?! Не хочу! Завтра же отбираю свою «Тайну устрицы»!!

– Постойте... Да ведь он согласился. Я его убедил.

– Вы его убедили?! – угрюмо сказал Мотылек, обведя всю компанию непередаваемым взглядом. – Вы его убедили!! Я его не мог убедить, а вы его убедили...

– Я же хотел вам приятное сделать, – моляще прошептал Куколка, прижимая к груди руки. – Если бы я знал, что этого не следовало...

– Он его убедил, – простонал Мотылек, роня голову на руки.

Потом встряхнулся и угрюмо поглядел на Куколку:

– Короче говоря – место за вами?

– Да, за мной. Но если хотите, я завтра же...

– Нет, нет! – с дикой энергией вскричал Мотылек. – Вы должны, обязаны занять это место! Я так хочу. И вы пишете в этом журнале! Пишите больше!!

– Он и просил у меня стихотворение для следующего номера. У меня и сюжет в голове есть.

Воцарилось долгое молчание, которое каждый переживал по-своему... Один Меценат был царственно невозмутим, тихо посмеиваясь в свои пышные седеющие усы...

Да еще Куколка: он с детским любопытством поглядывал на Принцессу и потом, не выдержав, склонился к уху своего соседа, Новаковича:

– Скажите, эта дама – действительно принцесса? Настоящая принцесса?

– О да, – с готовностью отвечал шепотом Новакович. – Только она не любит, когда ей говорят о ее царственном происхождении. Это вообще тяжелая история... Она недавно пережила большую душевную драму. Дипломаты ее родины задумали выдать ее замуж за абиссинского негуса, а она, понимаете, не может переносить черного цвета... Это, кажется, называется дальтонизм. Или еще проще – идиосинкразия! Она сначала хотела лишиться себя жизни посредством фиалкового корня, но ее спасли, тогда она подкупила слуг и бежала, севши в корзинку воздушного шара, который для забавы был привязан в роскошном саду ее владетельного отца... Северо-восточный ветер и принес ее в Петербург.

– Как же вы с ней познакомились?

– Целая история! Пошел я однажды ночью прогулки ради на Горячее Поле, вдруг вижу – воздушный шар низко-низко над полем летит... А внизу конец гайдропа болтается... так сажени на полторы от земли. Ну, вы же знаете мою силу и ловкость; подскочил я, ухватился за конец и притянул корзинку. В корзинке Принцесса в обмороке и мертвый, уже разложившийся, как говорит Меценат, на свои составные элементы, слуга. Извлек я Принцессу, привел в чувство, и с тех пор, вы видите: нас водой не разольешь, такие друзья. Только вы, Куколка, не напоминайте ей этой истории... Вы понимаете, как тяжело!.. Слугу Рудольфом звали, – добавил Новакович ни к селу ни к городу.

– О, я понимаю, совершенно понимаю, – пылко воскликнул Куколка. – Однако, Новакович, какой это замечательный сюжет для стихотворения, правда?

– Чудный сюжет, – согласился Новакович, запихивая в рот кусок шашлыка. – Вы бы поговорили с Ее Высочеством. А то наши ребята перед ней робеют. А вы такой находчивый.

– Чего ж тут робеть, – улыбнулся Куколка. – Я могу вести какой угодно разговор.

И изысканным тоном обратился к дремлющей Принцессе:

– Как поживаете, Ваше Высочество? Принцесса открыла глаза и впервые взглянула на Куколку:

– Что вы говорите?

– Я спрашиваю: как вы себя чувствуете?

– Спасибо, очень хорошо. Только они все такие шумные. Давеча даже речи какие-то в мою честь говорили. А вы тоже из их компании?

– Да, я имел счастье недавно познакомиться с Меценатом и его друзьями, и вы знаете, Ваше Высочество, они ко мне отнеслись как к родному. В их обществе я себя чувствую чудесно.

– Отчего они называют вас Куколкой?

Куколка зарумянился и опустил свои длинные шелковые ресницы.

– Право, не знаю... Это меня впервые Анна Матвеевна – достойнейшая женщина! – так окрестила, а им и понравилось.

– Я вас тоже буду называть Куколкой. Можно?

– Пожалуйста, Ваше Высочество.

– А вы не шумите?

– То есть как? Нет, я вообще тихий.

– Ну, тогда хорошо. Заезжайте когда-нибудь ко мне, я вас чаем попою.

- Буду счастлив. Не замедлю.
- А они все такие шумные, – капризно пожаловалась Принцесса. – Новакович однажды Кузю в ковер закатал... Мне же пришлось его потом и раскатывать.
- Какой ужас! – искренно огорчился Куколка. – Но, если не ошибаюсь, господин Кузя, кажется, очень тихий?
- Да он ничего, только однажды в мою раскрытую шкатулку с бриллиантами окурков насовал.
- Пепельница далеко стояла, – вразумительно пояснил Кузя. – Но я люблю бывать у Принцессы. Тихо так, никто не беспокоит. Я один раз у нее часа три в кресле проспал.
- А вы любите поэзию? – осведомился Куколка.
- Люблю, – согласилась, немного подумав, Принцесса, – только чтоб стихи были короткие.
- Мои не длинные, – успокоил Куколка.
- Господа! – нетерпеливо стукнул по столу хмуро молчавший до сего Мотылек. – Когда же мы устроим коронавание Куколки в поэты?!
- Не нравится мне что-то Мотылек, – шепнул Кузя Меценату. – Мы все шутим, смеемся, а у него в истории с Куколкой какой-то надрыв.
- Мотылька надо понять, – качнул сидящей головой Меценат. – Он талантливее нас всех, а не складывается у него, у бедняги, литературная судьба. Вот он и дергается... Денег дать ему, что ли? Да нет, это его не устроит.
- Когда коронавание? – капризно повторил Мотылек, ударяя ладонью по столу. – Хочу короновать Куколку.
- Да можно в субботу. У меня. Только Яблоньку нужно бы предупредить.
- Хорошо, – поспешно подхватил Новакович с деланно-равнодушным видом. – Я зайду ей сказать.
- Кузя толкнул Мецената локтем в бок.
- Да зачем же тебе затрудняться? Я почти мимо ее дома прохожу. Зайду утречком.
- Где тебе! Ты так ленив, что на площадке лестницы заснешь. Не трудись лучше – я сам зайду.
- Нет я!
- Кузя! Опять в ковер закатаю!
- А я высуну голову из ковра да и крикну на весь крещеный мир: «Православные! Телохранитель влюбился в Яблоньку!»
- Дурак! – прошептал Новакович, отворачивая лицо к стене. – Ах, какой ты дурак! И с чего взял, спрашивается.
- Что я взял?
- Что я... этого... люблю Яблоньку.
- Ах, значит, ты ее не любишь? Завтра же доложу ей: «Телохранитель сказал, что он вас не любит!»
- Да чего ты пристал к нему, как комар, – вступился Меценат. – Не смей обижать моего Телохранителя!
- Как это они хотят вас короновать? – спросила Принцесса, мерцая из полутьмы своими черными звездамиглазами.
- Не знаю, – добродушно усмехнулся Куколка. – Но это, вероятно, очень забавно и весело.
- Разошлись поздно. Решили всем обществом проводить Веру Антоновну. Ночь была ясная, звездная, и дышалось после душного кабинета легко. Шли так: впереди Куколка вел Принцессу под руку, за ними Меценат об руку с Мотыльком – что-то тихо, но горячо доказывал своему погасшему другу-неудачнику, а сзади Новакович с Кузей энергично доругивались по поводу все той же Яблоньки...
- А она, даже не подозревая, что служит предметом спора, уже давно спала в своей белоснежной девственной постельке... Белокурые волосы, как струи теплого золота, разметались по подушке, а полуобнаженная свежая девичья грудь дышала спокойно, спокойно...

Глава XI

приготовления к коронованию куколки

– Какой у вас тут беспорядок, – критически заметил Новакович, оглядывая Меценатову гостиную, – отчего вы не прикажете вашим слугам прибраться?

– Ну, слуги! Они тут такой беспорядок сделают, что потом ничего не найдешь. А у меня все на месте.

– Именно что. Например, эта пачка старых газет на ковре около оттоманки, кусок глины на подзеркальнике, грязный полотняный халат на дверце книжного шкафа – все это придает комнате очень уютный, чисто будуарный вид! На крышке рояля такой слой пыли, что все письменные работы можно исполнять на этой крышке. Вот я вам тут напишу сейчас один вопль!

И он четко вывел по слою пыли на крышке рояля: «Ребята, позвольте рекомендоваться: я – пыль. Братцы, да кто же меня сотрет наконец?!»

Кузя привстал с кресла, прочитал «воплъ» и деловито объяснил:

– Эту пыль нельзя трогать. Она уже осела и лежит себе спокойно, не попадая ни в чьи легкие... А начини ее стирать – наши легкие погибнут.

– А эти бутылки на полу в углу? А грязные пивные стаканы? Удивляюсь, Меценат, как вам не противно!

– Да что тебя вдруг обуял такой бес аккуратности?! – удивился Меценат. – Никогда я этого за тобой не замечал.

– Мне-то, в сущности, все равно, но сегодня у нас будет дама... Ну, как ее посадить в такое кресло, на котором пепла столько же, сколько на голове древнего горящего еврея?! Яблонька не любит грязи!

Все значительно переглянулись и в один голос монотонно затянули:

– А-а-а!!

Когда один уставал и замолкал, другой подхватывал эту заунывную ноту и тянул дальше, пока его не сменял первый.

– А-а-а!.. А-а-а!..

– Честное слово, я расскажу Яблоньке, как вы надо мной издеваетесь, приплетая ее имя!!

К Яблоньке «клеветры» относились молитвенно, поэтому после угрозы Новаковича рты ментально захлопнулись, как пустые чемоданы.

Впрочем, Кузя не утерпел:

– Телохранитель, когда свадьба?

– Чья? – не понял сразу Новакович.

– Ваша же, ваша! Ты ведь сохнешь так, что даже сахар Анны Матвеевны не помогает. Сдашь государственные экзамены – надевай фрак, белый галстук и делай предложение.

Новакович, уныло свесив голову, помолчал, потом вдруг встряхнулся и сказал с неожиданной откровенностью:

– До чего бы это было хорошо! Конечно – фрак ерунда, но вообще, помимо фрака... Эх, братцы, грех вам смеяться над таким чувством.

– Да мы не смеемся, чудак. Мы сочувствуем. Я это понимаю. Я сам один раз был влюблен в некую вдову – так влюблен, что и сказать невозможно. До того дошло однажды, что я на пол повалился и стал ножку стола грызть.

– Что общего? – возмутился Мотылек. – Тут чистая, благородная, благоуханная девушка, а этот шахматный Кузя со своей затрапезной вдовой вылез да еще ножкой стола подпер?! Новаковича я понимаю, тем более что Яблоньку чудесным образом отыскал именно я. И горжусь!

И закончил прозаически:

– Тем более это стоило Меценату всего два рубля! Куколка обошелся нам в двенадцать раз с половиной дороже...

– Мотылек, не будь циником, – мягко упрекнул шокированный такой странной математической выкладкой Меценат.

– Моя вдова не затрапезная, – обиженно сказал Кузя, думая о своем, – у нее был муж пол-

ковник и такая грудь, что вы таких грудей не видывали! А волосы! А губки!

Новакович счел нужным перебить его:

– Анатомия полковничьих вдов в вашем живописном изложении не является тем предметом, который увлек бы нас! Меценат! Разрешите все-таки, мы тут приведем все немного в порядок. А?

– Как хотите! Разве я могу в чем-нибудь вам отказать? А прислугу не допущу! Она порядок путает.

– Ну-ка, Мотылек, Кузя! Долой пиджаки. Приступим.

Кузя снял пиджак, уселся в кресло и сказал:

– Начинайте! Я буду руководить вами. Мотылек, собери газеты, накрой глину тряпкой и сунь ее под стол подальше! Новакович, сними халат с дверцы шкафа, оботри им пыль и стряхни пепел на пол. Потом подметешь.

Работа закипела, а Кузя, потонув в кресле, изредка командовал Новаковичем и Мотыльком, ворча себе под нос в паузах:

– Хм! «Затрапезная вдова»! Да она бы вас к себе и на кухню не пустила. А ноги у нее какие были – красота! Беленькие, пухленькие... Вот тебе и «затрапезная»! Аристократы нашлись! Отнеси теперь халат к Анне Матвеевне – пусть в грязное белье бросит! А шейка у нее была – мрамор! Бывало, оскалит белые зубки... Окурки, окурки, не забудьте смести с подоконника!

Меценат в это время тоже не сидел без дела: он усердно мастерил из золоченой бумаги и разноцветных осколков стекла великолепную корону.

– Порфиру бы ему еще соорудить, черту полосатому, – сказал Мотылек, отрываясь от работы, – да не из чего!

– Послушайте, – задумчиво почесал за ухом Меценат, – а что, если он раскусит нас и обидится... Неловко будет.

Мотылек собрал складки своего лица в очень причудливый рисунок и хихикнул:

– Он-то? Да представьте вы себе – он сейчас плавает в океане блаженства! Я его раздул, как детский воздушный шар! Не встречал я дурака самонадеяннее! Все принимает за чистую монету, строит самые наглые планы насчет своей литературной карьеры и... Да ведь вы знаете, что он каким-то чудом все-таки удержался на моем бывшем месте в редакции... Я, признаться, думал, что дело окончится скандалом, а он... приспособился! Вот именно такие ничтожества таким болванам, как редактор, и нужны! Впрочем, я спокоен: он удержится до выхода первого очередного номера. А как тиснет в журнале свою «старушку в избушке, кругом трава» – так ведь, как пустое ведро по лестнице, загремит! И опять, хамы этикие, придут ко мне на поклон... Тут-то я и поиздеваюсь. А-а, скажу, аршинники, самоварники... О, мне Куколка еще нужен! Я все редакции взорву этим Куколкой... Пусть они его подхваляют да заметочки о нем печатают, вроде как вчера: «Входящий в известность поэт В. Шелковников, о котором в последнее время так много писали, выпускает свою первую книгу, ожидаемую литературными гурманами с большим интересом...» Нет, Куколку обязательно нужно короновать в короли поэтов! А потом я им преподнесу: «Глядите, остолопы! Вот тот властитель мыслей, которого вы заслуживаете!»

– Одна вещь только меня заботит... – обеспокоенно сказал Новакович, крутя свой рыжий ус. – Ведь по проекту церемониала участие в этом идиотском короновании должна принять и Яблонька?

– Конечно! Она увенчает его короной!!

– Ну, вот. Как же мы поступим: объясним Яблоньке, что Куколка – жалкий болван, или оставим ее в неизвестности, придав всей церемонии вид настоящего преклонения перед этим «Божьей милостью» поэтом?

– По-моему, признаться во всем Яблоньке, да и дело с концом! Она же с нами и повеселится.

Новакович твердо посмотрел всем в глаза:

– Нет, ребята, значит, плохо вы знаете Яблоньку! Могу сказать заранее, что будет: узнав, что мы мистифицируем этого жалкого парнишку, она возмутится, назовет нас жестокими, бессердечными, пристыдит нас, укажет на то, что мы зря издеваемся над Божиим творением, что у этого «творения» тоже есть живая страдающая душа – и прочее, и прочее. Одним словом, сорвет всю нашу игру. Вы об этом не подумали?

– Тогда можно Яблоньке вообще ничего не говорить... Представим его как нового Шиллера, Пушкина и Байрона, вместе взятых, и что мы, дескать, хотим почтить это гигантское дарование!!

Новакович покачал головой:

– Значит, вы предлагаете попросту обмануть нашу Яблоньку?

– Да чего ты заныл преждевременно? – вскипел Мотылек. – Сегодня Яблоньке ничего не скажем, а завтра явимся все к ней, падем на колени, поцелуем край ее платья да и покаемся. Кто открыл Яблоньку? Ты, что ли? Я ее открыл! Значит, я за все отвечаю!

Комната была уже прибрана и приняла чрезвычайно свежий вид: посередине на ковре, покрытом шкурой белого медведя, стояло кресло, в свою очередь покрытое великолепной персидской шалью; по бокам кресла – две развесистые пальмы в кадках, задрапированных одеялами. В стороне – маленький столик, на столике красная шелковая подушка, а на ней – сверкающая разноцветными камушками чудесная корона, которая под искусными пальцами волшебника Мецената превратилась в подлинное художественное произведение. В стороне стол – с цветами и фруктами.

Мотылек ходил вокруг, любовно осматривая все эти вещи, и только кричал от удовольствия. Все поработали сегодня достаточно – даже Кузя внес свою лепту в общие труды: разбил фарфоровую вазу для цветов.

Когда Анна Матвеевна выплыла с заказанным шампанским и бокалами – она остановилась посреди комнаты совершенно ошоломленная...

– Это чего такого вы тут настроили?

– Красиво, бабуся? – с гордостью спросил Кузя. – Видите, как я тут все прибрал?!

– Да что это вы... женить кого собрались, что ли? Что за праздник придумали?

– О, благодетельная Кальвия, – выскочил вперед Мотылек. – Все это для вас! Мы пронюхали, что ровно сорок лет назад вы погасили огонь Весты; уронили пылающий факел девственности и, упав в объятия супруга, перешли на брачное положение. Этот угрюмый факт мы и решили отметить!

– И кто тебе, лешему, такой язык привесил?! – сердито сказала Анна Матвеевна. – Ты бы лучше в церковь ходил да Богу молился!

– Нот, уж вы его не заставляйте Богу молиться, – вступился Кузя. – А то он лоб разобьет – кто будет чинить церковные плиты? Вы, что ли?

За дверью свежий звучный голос произнес:

– Разбойнички!.. А здесь Яблонька! Впустите!..

Глава XII коронование

Рев восторга приветствовал гостью. Гибкая, золотистая, в платье персикового цвета, с обнаженными руками и открытой шеей – будто кусочки белого мрамора мелькнули перед глазами восхищенных клеветов, – она была обворожительна в своей не искусственной кокетством юности.

От пышных волос, окружавших прекрасное лицо золотым сиянием, до маленьких ножек, обутых в серебристые туфельки, – она вся теплилась, как радостная пасхальная свечка.

– Яблонька, – восхищенно воскликнул Меценат. – Если я ослепну от вашей красоты, как старый Велизарий, будете ли вы водить меня за руку, как тот мальчик, который питал Велизария?

Новакович вздохнул и мрачно ответил за Яблоньку:

– Не такой она человек, чтобы водить за руку. Она за нос водит...

Яблонька в это время здоровалась с Анной Матвеевной, и поэтому горькая тирада Новаковича не достигла ее ушей.

– Голубка ты моя белая, – обратилась к ней нянька. – Хучь ты объясни мне – чего это тут затевается?! От них нешто добьешься толку?! Такое мне объяснили, что тебе, девушке, и слушать неподобно!

– А вы думаете, нянечка, я знаю? Прилетает ко мне Новакович, сует в руку две груши и наказывает, чтоб обязательно я сегодня пришла в самом парадном виде! Спрашиваю, зачем. Мычит что-то.

– Мудреные они, – сокрушенно сказала нянька. – Ты бы их остерегалась, девушка, а то втянут они тебя в историю. Ведь я их знаю – сущие мытари!

– Настало время объяснений, – напыщенно сказал Мотылек. – Сегодня мы коронуем одного чудного поэта, а имя этому поэту: Куколка.

– Что за коронация? – забеспокоилась нянька. – Чего надумали?! Нешто он царь какой?

– Король, бабуса! Король поэтов.

– Ну, дай ему Бог, – смягчилась нянька. – Очень он ладный парнишка: великатный такой, почтительный – не вам, бесстыжим, чета. Да вот он – легок на помине.

Куколка появился, одетый, как и подобает королю поэтов, в черную бархатную тужурку, ловко обрисовывавшую его стройную талию... Черный глубокий тон бархата резко оттенял бледно-розовую свежесть его красивого лица и мягкий блеск белокурых волос.

– Вот они, – любовно сказала нянька, поглядывая то на него, то на Яблоньку. – Две золотые головушки! Будто ангелята в ад слетели.

– Тесс! – зашипел Мотылек, приложив палец к носу. – Частные разговоры не допускаются! Без прозы! Все по местам!

Он низко поклонился Куколке, взял его деликатно за пальцы, усадил в торжественное кресло на белой медвежьей шкуре, подскочил к роялю и, обрушив на клавиши свои проворные пальцы, стройно заиграл полонез из «Сказок Гофмана»...

Кончил. Схватил со стола заранее приготовленный том Пушкина, развернул его, как Евангелие, на заранее приготовленном месте и звучно прочел:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон –
В забавы суетного света
Он малодушно погружен.
Когда ж в избе старушки скрип
До слуха четкого коснется...
Тотчас к бумаге он прилип
И от нее не оторвется!..

Так он и откатал все стихотворение, причудливо мешая звучащий медью пушкинский стих с пресловутыми Кукольными стихами о старушке. Окончив, захлопнул книгу, благоговейно поцеловал ее и начал речь:

– Ваше величество, дорогой Куколка! В жизни почти всякого большого поэта есть одна неизбежная трагедия... Современники его или недостаточно ценят, или совсем не ценят, и только после смерти поэта приходят признание, слава, почести. Это ужасно!! И вот мы, люди хрупкой утонченной духовной организации, почуяв, что в отношении вас может совершиться та же вековая несправедливость, решили по мере своих слабых сил дать вам при жизни то, на что при других условиях вы бы имели право после смерти! Мы создадим вам славу, потому что вы достойны ее, и сегодняшний день – это первый робкий шаг в страну Очаровательных Возможностей, которые ожидают вас на вашем пути, на том пути, с которого мы заботливо сметем все камни преткновения, все шипы – чтобы шествие ваше встречало по сторонам только цветущие розы, только благоухание цветов и приветственные улыбки благодарного народа, который вы вознесете и облагородите вашим волшебным талантом! Настоящих поэтов коронуют так же, как подлинных королей, поэтому, о прекраснейшая из русских женщин – Яблонька, – благоволите покрыть сверкающее будущим гением чело этой королевской короной. Ур-ра!!

Яблонька, ласково улыбаясь, взяла с подушки корону, надела ее на кудрявую голову «короля поэтов», а «король поэтов» с серьезным видом преклонил одно колено и благодарно поцеловал гибкую душистую ручку...

И все клеветы во главе с Меценатом грянули могучее «ура!», а в углу сидела нянька, расстроганная речью Мотылька, и тихо плакала, утирая глаза белым фартуком.

«Ура» продолжало греметь, клеветы выхватили из ваз благоухающие цветы и принялись

забрасывать ими сияющего, глубоко растроганного Куколку.

Когда овации утихли, Яблонька подняла с белой медвежьей шкуры темно-красную розу и, приколов ее к корсажу, обратилась к Куколке:

– К сожалению, я еще не читала ваших произведений, но я доверяю литературному вкусу всех, кто находится здесь, и поэтому присоединяю свои поздравления и пожелания... Вот что скажу вам: работайте, рвитесь вперед, не удовлетворяйтесь внешним успехом, а главное – не застывайте на одном месте! В искусстве – все в стремлении.

– Спасибо! А мы с вами еще не знакомы. Позвольте представиться: моя фамилия Шелковников, мое имя...

– Имя ваше можете не произносить, – перебил его Мотылек. – Оно будет прочтено миллионами на обложке ваших сочинений. Господа! Теперь по бокалу шампанского! Яблонька! Предложите королю из ваших ручек.

Когда Мотылек подскочил к разливавшей шампанское Анне Матвеевне, старуха взяла его за ухо и доброжелательно сказала:

– Ведь вот и шут ты, и сущий разбойник, а сказал давеча так, что меня, старуху, слеза прошибла. Тебе бы остепениться – из тебя бы человек вышел.

– Э, бабуся! Куда мне в люди выходить... Я на себя рукой махнул. Дай Бог других в люди вывести! А я – ни в чем мне нет удачи...

И среди этого напускного веселья густое облако грусти напозло на морщинистое лицо Мотылька, и такое это было густое облако, что часть влаги осела в одной из морщин под глазом, задержалась на минуту и потом окончательно скатилась на борт пиджака.

– Фу ты, – развязно сказал Мотылек, – сколько газу в этой шампанее. Инда до слез!..

А на другой стороне комнаты огорченный Кузя с бокалом шампанского, спрятавшись а глубокое кресло, как черепаха в свой панцирь, бормотал, глядя выцветшими глазами в пространство:

– «Затрапезная вдова»! Да вы, может, таких вдов еще и не нюхали! Грудь как слоновая кость, упругая, как на пружинах, и на рояле хорошо играла... А мужа, может быть, и генералом бы сделали, да он сам не хотел. Зачем, говорит, мне! Я не чинов, говорит, добиваюсь, а дело люблю делать. Дело, дело и только дело! Вот тебе и «затрапезная»!

Глава XIII болтовня на ковре

Пить вино на полу – была затея Кузи. Он объяснял ее уютностью такого положения, оправдывал примером древних римлян, которые, дескать, тоже всегда во время пиров возлежали, но на самом деле эта мысль имела своим источником отчаянную лень этого вялого шахматиста. Ему очень хотелось полежать, но в обществе растянуться вдруг ни с того ни с сего на оттоманке было невежливо, а если сделать из этого общую забаву, то ему, Кузе, будет удобно, а всем вообще весело...

В центре большого персидского ковра поставили объемистую вазу с крюшоном, а вокруг нее радиусами разлеглась вся компания, не исключая и Яблоньки, которой пылкий влюбленный Новакович смастерил царственное ложе: шкура белого медведя, на шкуре плюшевый плед, а на пледе Яблонька, положившая круглый алебастровый подбородок на огромную пушистую голову страшного зверя.

– Дорогие друзья, – предложил Меценат, – мы могли бы заняться светским разговором, но нет ничего более нудного и тягучего, чем эта болтовня, в которой не больше содержания, чем в пустом орехе! Вместо этого пусть каждый из нас расскажет самую диковинную, самую замечательную историю из своей жизни и практики. Это всегда весело и поучительно, а тем более в такой торжественный день. Ну-ка, Телохранитель, зачинай! Какой самый удивительный случай был в твоей многоцветной жизни?

Умный Меценат неспроста начал с Новаковича, потому что труднее всего в таких случаях начинать первому, а известно, что Новакович в карман за словом не лазил и в любой момент способен был с самым хладнокровным видом состряпать самую чудовищную историю.

– Извольте, – с готовностью сказал Новакович. – Только в моей истории будет одна девушка и один поцелуй, так что я заранее прошу у Яблоньки прощения за некоторую фривольность сюжета.

– Рассказывайте, Телохраниитель, – рассмеялась мягким всепрощающим смехом Яблонька. – Я не такая наивная, чтобы не знать, что некоторые девушки целуются.

– И даже очень! – подхватил Кузя с таким фатовским видом, который ясно указывал, что в этих отклонениях от девичьей добродетели он, Кузя, играл не последнюю роль.

– Кузя! Девушки не твоя среда, помолчи. Вот когда девушка выйдет замуж, да муж ее сделается полковником, да потом умрет, да она останется вдовой с белыми ножками и прочим...

– А вы сегодня мою вдову напрасно обидели, – опять омрачился Кузя. – Как она играла на рояле! И когда играла, так ямочки на плечах, как живые, прыгали...

– Это ты нам расскажешь без Яблоньки, – сурово прервал его пуританин Новакович. – Ну, так вот вам, почтенные, моя история... Называется она –

ПОЦЕЛУЙ В КАЮТЕ

Должен я начать с самой интимной подробности моей прошлой жизни: в дни своей юности я влюбился... Чувства свои я подарил одной очень достойной девушке, а отвечала она мне взаимностью или нет – я не знал, и это чрезвычайно терзало меня!

(При этих словах рассказчик бросил косой взгляд на Яблоньку, ожидая, что веки ее или углы губок предательски дрогнут, но Яблонька самым безмятежным образом была погружена в вылавливание розовым язычком ананаса из бокала с клюшоном. Рассказчик тоскливо вздохнул и стал продолжать.)

Я и теперь, господа, застенчив и робок с женщинами, а в те времена взглянуть даже на женщину дерзновенным взглядом было для меня подвигом совершенно невозможным. И случилось так, что любимая мною девушка и я должны были ехать на пароходе из Одессы в Севастополь. Я только издали поглядывал на нее да вздыхал, а она была весела, как никогда: каждую минуту подходила ко мне, шутила, подтрунивала надо мной, а когда ее интересовывало что-нибудь из жизни моря – мимо идущий корабль или плывущий обломок лодки, разбившейся где-нибудь о скалы, или резвящаяся за корабельной кормой стая дельфинов, или поле водорослей, колышющееся на поверхности воды, – она обо всем этом меня расспрашивала, и я толково объяснял ей, потому что в морских делах очень хорошо понимаю и во мне, может быть, заглох какой-нибудь морской корсар, и слава Богу, что заглох, потому что за эти штуки по головке не гладят.

Вот так-то беседуем мы с ней, а она вдруг я спроси меня:

– У вас, кажется, есть коллекция открыток с картин Третьяковской галереи?

– Есть, – говорю. – Хорошая коллекция.

– Покажите. Только вы не тащите всего этого сюда, а я, – говорит, – лучше пойду в вашу каюту. Можно?

А у меня была отдельная каюта – капитан был приятелем, так дал.

Услышав предложение любимой девушки, я засиял, как бриллиант Кох-и-Нор, и, конечно, помчался вперед самым гостеприимным образом. Входим мы, и как остановилась она посреди каюты, красивая, будто наша Яблонька, сверкающая черными глазами, белыми перламутровыми зубками, освещенная ярким полуденным солнцем из открытого иллюминатора, как наклонилась она над альбомом жарко дышащей грудью – вспыхнул я, как солома на огне.

И уж буду с вами откровенен до конца – до того захотелось мне поцеловать эту прекрасную девушку, что чуть не до крику.

Собственно, другой на моем месте, может быть, и сделал бы это, потому что девушка относилась ко мне чрезвычайно ласково, но, как я вам говорил уже, характер у меня был дико застенчив. Как так? Среди бела дня вдруг ни с того ни с сего – чмок! Еще если была бы темная ночь – тогда не так стыдно... А то как назло: солнце нагло лезло всеми своими лучами, как осьминог лапами, прямо в открытый иллюминатор, так что я мог пересчитать все выходящие мягкие волосики на ее склоненном затылке...

И воззвал я ко Господу:

– Всемогуший! Если для тебя действительно нет ничего невозможного – пошли сейчас ночную тьму, чтобы я мог наглядно объяснить этому твоему прекрасному созданию волнующие меня чувства!

Не успел я вознести к Богу эту краткую молитву, вдруг – трах! В каюте наступает мгновенно такая темнота, что хоть глаз выколи... Не помня себя, я хватаю любимую девушку в объятия, целую, и – о счастье! – она отвечает мне таким же горячим поцелуем!! Оказалось, что я ей давно уже не только не противен, а совсем даже наоборот...

Божье чудо!

Новакович умолк, благоговейно склонив голову на ковер и бросая косые взгляды на Яблоньку, заливавшуюся самым беззаботным, безоблачным смехом.

– Послушай, Новакович, – значительно начал Кузя. – Я в течение нашего знакомства выслушал много твоих историй, но эта сегодняшняя история... гм!! Не находишь ли ты, что всему на свете все-таки должны быть какие-нибудь границы?!

– Почему? А что тут невероятного? – хладнокровно пожал плечами Новакович.

– Не будешь же ты утверждать, проклятая Эйфелева башня, – заревел выведенный из своего дремотного состояния Кузя, – что ради твоего поцелуя на небе погасло солнце?! Осмелюсь сказать это – и ваза с крошоном будет у тебя на голове!!

– Нет, солнце не погасло.

– Значит, вы оба на несколько минут ослепли?!

– Зрение наше было в совершеннейшем порядке.

– Телохранитель, – вступился Меценат, увидев, что Кузя потерял все свое безмятежное спокойствие и вотвот готов броситься на Новаковича. – Телохранитель! Если ты нас не дурачишь, то объясни же: откуда среди бела дня вдруг спустилась ночь?

– Ах, простите, я и забыл сказать вам! Дело в том, что у борта парохода резвилась стая дельфинов... И вот один, наиболее прыткий, подпрыгнул выше других и, попав в иллюминатор моей каюты, плотно заткнул своим туловищем отверстие иллюминатора, каковым поступком произвел совершеннейшую темноту, столь благоприятствовавшую вора и влюбленным. То, что я рассказал, факт! Можете проверить у капитана! Он теперь плавает на «Императрице Екатерине», Чайкин фамилия его.

Все приснули со смеху, а Куколка поднял на Новаковича свои прозрачные, как лесное озеро, голубые глаза и воскликнул с увлечением:

– А вы знаете, Телохранитель, вот прекрасная тема для рассказа в эксцентричном английском стиле!

– Я думаю! Запишите, чтоб не забыть.

– Кузя, – скомандовал Меценат, выпив залпом бокал холодного крошоно и утирая усы. – Твоя очередь.

– Моя история коротка, – проворчал ленивый Кузя. – В ней нет ни девушек, ни дельфинов, а есть только –

ДВУНОГАЯ СОБАКА

О двуногой собаке я говорю не в ироническом смысле – это была настоящая собака, и жила она во дворе той гимназии, где я получил свое блестящее воспитание.

Когда я учился в третьем классе – это была обыкновенная четвероногая собака, но когда я перешел, засыпанный наградами, в четвертый класс (хотя моя карьера и не имела прямого отношения к трагическому случаю с псом), то однажды этот ординарный пес потерпел самое оригинальнейшее крушение! Именно: перебегая дорогу, попал под автомобиль, да так попал, что колесом ему начисто отрезало переднюю левую и заднюю правую лапу.

– Какой ужас, – покачала головой сердобольная Яблонька. – Неужели издох?!

– В том-то и дело, сударыня, что выжил! Мы, гимназисты, его и лечили. Но тут вот и начинается самое диковинное: остался он, псенок этот, с одной правой передней к левой задней ногой,

причем ходить, конечно, не мог. Это, знаете, как стол, у которого отломаны две ножки по диагонали. Никак его, черта, не поставишь. Но прошло некоторое время – и собака наша стала показывать чудеса... Лежит, бывало, у стенки, греется на солнышке, вдруг – свистнешь ее! Подползет она на брюхе к стенке, обопрется об нее боком да вдруг как побежит!!

– Послушай, Кузя, да ведь это невозможно!

– Почему невозможно?! Она бегала по принципу двухколесного велосипеда: сразу приобретала инерцию и мчалась как сумасшедшая! Но стоило ей только остановиться, как она сваливалась набок, тоже вроде двухколесного велосипеда! И так как ноги ее были расположены не на одной линии с направлением туловища по оси, а вкось, по диагонали, то она бегала не прямо, а всегда загибалась самые крутые виражи.

Кузя поглядел на Новаковича с убийственной иронией и закончил:

– Я вижу, что вы мне не совсем верите, но утверждаю, что собака такая была, и, как любит говорить Новакович, это легко проверить: ее звали Лорд! А владельца звали – Гусаков! Он теперь тоже плавает где-то, на чем-то.

После некоторого молчания – дани общего удивления странной Кузиной собаке – перст Мецената направился на Мотылька:

– Твоя очередь, Мотылек. Твой стиль обладает большими литературными достоинствами, и поэтому ты не будешь калечить собак или затыкать дельфинами иллюминаторы! Алло! Мы слушаем.

– Моя история не будет веселой, потому что я нынче настроен не особенно хорошо, хотя коронование Куколки для меня большой праздник! Кстати, Куколка! Благополучно ли вы несете ваши секретарские обязанности?

– О спасибо! Я вам бесконечно благодарен. С редактором мы ладим, хотя знаете что? Он мне говорил, что собирается оставить «Вершины»... Его приглашают редактировать большую ежедневную газету. Хотите, я вас помирю, и он устроит вам в газете заведывание литературным отделом?

– Нет, где там! Я его так тогда отделал, что придется мне жить отдельно от этого отдела – простите за плохой каламбур. А за вас я рад, очень рад, Куколка! Вы оправдываете мои надежды!

Мотылек собрал лицо в клубок морщин, странно поглядел на Куколку и сказал:

– Однако к делу. Моя история под стать моему настроению – будет во вкусе болезненного, причудливого, как орхидея, художника Гойи. Тем более что и в истории этой главное действующее лицо – художник! Итак –

О ХУДОЖНИКЕ, КОТОРЫЙ НЕ МОГ ПОПАСТЬ ДОМОЙ

Я, подобно Меценату, люблю побродить по разным трущобам, поэтому да не покажется вам удивительным, что однажды судьба, прихоть и ноги занесли меня в мрачный трактиришко на Обводном канале, нечто подобное той «Иордани», где Телохранитель при первом знакомстве удержал Мецената от карточной игры с елейным убийцей...

Трактир, в который я попал, был переполнен публикой, плохо одетой и еще хуже воспитанной, что неопровержимо доказывалось двумя висящими на стене суровыми плакатами:

«ЗА ПОТРЕБОВАННОЕ ПЛАТИТЬ ВПЕРЕД»

и

«ЗА ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ГОСТЕЙ, ПОЛОЖЕННЫЕ НА СТОЛ, ХОЗЯИН НЕ ОТВЕЧАЕТ».

Я полчаса просидел среди шумливой рвани, попивая скверное теплое пиво, как вдруг мое внимание приковал к себе один человек, сидевший налево от меня в полутемном углу этого прокопченного дымом и пропитанного зловонием устаревших кушаний трактира.

Лицо этого человека было бело как мел, утлы рта опустились в какой-то невыносимой смертельной тоске, а глаза угрюмо и будто испуганно сверкали из-под надвинутой на лоб широкополой шляпы. Он тоже поглядел на меня длинным тяжелым взглядом из своего угла и вдруг задал странный вопрос:

– А вы чего сюда пришли?

Вот это маленькое словечко «а» впереди фразы и особое ударение на местоимении «вы» главным образом и поразило меня. Благодаря этому фраза приобретала определенную окраску: «Я, мол, пришел сюда потому, что иначе не могу, а какие дьяволы тебя принесли в такое место?»

– Я зашел случайно – люблю понаблюдать низы, – вежливо отвечал я на его странный вопрос. – И потом, не находите ли вы, что в этой грязи и отчаянности падения есть своего рода живописность?

– Не правда ли? – ответил он, забирая свою бутылку вина и переключивая к моему столику. – Но на такую картину ни кармина, ни берлинской лазури не потребуется ни капельки – сплошная сепия и терр-де-сиена, с щедрой примесью жженой кости!

– Вы художник?

– Художник. Слушайте, будем пить и разговаривать – у меня есть деньги, я вас угощу. Только, пожалуйста, разговаривайте, разговаривайте больше!..

– Что это, у вас как будто странное настроение? – с любопытством спросил я.

– Ничего не странное! Ничуть не странное – самое обыкновенное! Но... будем разговаривать! Говорите чтонибудь – не могу выносить молчания.

Я принялся рассказывать ему какой-то вздор, и он слушал меня с интересом, даже иногда оживлялся, но сейчас же потухал, и уголки его губ опускались самым демонски угрюмым образом.

«Черт его знает, – подумал я, – не убил ли нынче этот Веласкес какого-нибудь человека?»

– Слушайте, – вдруг спросил я, оглядываясь на шумевшую сзади толпу оборванцев, среди которой я чувствовал некоторую опору в безумной смелости моего вопроса. – Вы сегодня никого не убили?

Нисколько не удивившись моему дикому вопросу, он болезненно поморщился и заторопился:

– Нет, тут не то. Это совсем другое! Впрочем, о смерти не стоит. Вы же сейчас говорили об Анатоле Франсе! Вернемся к Анатолю Франсу.

Вернулись мы к Анатолю Франсу, потом перешли к Малларме, переехали на Барбе д'Оревильи – всех трех странный художник знал превосходно.

Особенно взволновала и растрогала его история, которую я незадолго до этого прочитал во французских газетах: однажды на рассвете на скамейке одного из бульваров Парижа нашли мертвого старика, как потом оказалось, поэта. И в карманах его ничего не обнаружили – ни денег, ни документов, – кроме трех вещей: свертка рукописных стихов, штопора для откупоривания бутылок и пряди тонких женских белокурых волос, завернутых в полуистлевшую бумажку. Вот что было в кармане трупа на бульварной скамейке. Смерть настоящего поэта!

– Вот это я понимаю, – воскликнул художник, выслушав историю парижского поэта. – Да, это так! Он был настоящий поэт, как и я, может быть, настоящий художник!

Я огляделся: трактир уже опустел, так как незаметно нахлобучилась на беспокойную голову столицы сырая петербургская ночь.

Слуга, изжеванной судьбой наружности, усыпанный веснушками, как паркет маскарадного зала – конфетти, подошел к нам и твердо предложил:

– Идите домой. Заведение закрывается.

– Голубчик, мы еще немножко... Еще полчаса посидим. Я заплачу!

– И что это вы за господин такой! – угрюмо и подозрительно проворчал слуга. – И вчера не хотели уходить, и позавчера... У нас с полицией строго – такой час, что закрываем!

– Может, кабинетик какой есть или вообще комнатка?... Вы бы нам – полдюжины вина, телятинки холодной и свечей пару! Ничего больше не потребуется, и можете спать...

– Собственно, и мне пора домой, – нерешительно пробормотал я.

– Дорогой, милый, – ни за что! Оставайтесь. Вы еще расскажете что-нибудь, выпьем вина – хорошо? Не оставляйте меня одного!

Я не совсем благосклонно пожал плечами и по темной скрипучей лестнице поднялся следом за ним наверх.

Уселись. Выпили еще вина.

Только наш неожиданный, причудливый, призрачный Петербург может щегольнуть такой зловещей комбинацией: мрачная сырая комната без всякой мебели, кроме тяжелого стола, покрытого сырой дырявой скатертью, комната, где будто застоялся запах старого убийства; за окном густая, как кисель, сырая ночь, дышащая в лицо тифом, а против меня – тускло освещенный единственной свечкой человек, из опущенных углов рта которого вопияла смертная тоска, а глаза испуганно, умоляюще вонзались в меня с молчаливым криком: не умолкайте! Говорите о чем угодно, но не молчите!

Однако наступил момент, когда я совершенно иссяк и умолк, устало прикрыв глаза веками.

– Ваши родители живы? – вдруг спросил меня художник вне всякой связи с предыдущим разговором.

– Отец жив; мать умерла.

– Умерла?! Неужели? А что ж вы с ней сделали, когда она умерла?

– Да что ж с покойницей делать? Как полагается – похоронили честь честью.

– А как?! Как это делается? Расскажите!

Я невольно отодвинулся от него к окну. Мелькнула мысль: сумасшедший.

– Вы думаете, я сумасшедший? Даю вам слово – нет. Тут не то. Тут другое. Не знаю, поймет ли кто-нибудь меня...

Я решительно встал с места:

– Вот что, дорогой маэстро! Если вам мое общество приятно – вы сейчас же немедленно расскажете мне, что с вами такое делается! Если нет – сейчас же ухожу! Ну вас к черту с вашими историческими вопросами и с тоскующими глазами птицы Гамаюн! В чем дело?

Он подошел к окну и, вперив в него лицо, долго вглядывался в серую слепую сырую слизь, которая в Петербурге пышно именуется «ночь».

Потом отвечал. Не мне, а этой унылой ночи:

– У меня умерла жена.

– Это огромное несчастье, – деликатно ответил я. – Но нельзя же быть таким... странным!

– Я знаю. Но у меня нет мужества вернуться домой... И потом – не смейтесь! – я не знаю, как это делается!!

– Что делается?!

– С покойниками. Первый раз в жизни. Пятые сутки брожу по трущобам. Дома не был.

– А жену когда похоронили?

– Не хоронил еще. Дома лежит. Слабое сердце. Получила телеграмму о смерти отца – не выдержала. Упала. Разрыв сердца.

– Безумец вы! Пять дней – и она лежит непогребенная?! Почему не похоронили?!

– Поймите – мы здесь одни жили: без друзей, без знакомых... Ну, вот – смерть. А как с ней обращаться, со смертью-то – не знаю. Первый раз в жизни. Ушел я из дому и... не могу туда вернуться. И страшно, и не знаю: что же делать с ней. Жену я очень любил – поймите. А там... ведь это обмывать как-то нужно, свечи разные. Псалтырь читать – откуда я все это знаю? Вот и отдаляю момент возвращения. Пью. Страшно там, поди. На полу так и лежит. Пять дней. И чем дальше, тем все страшнее пойти.

– Знаете что? Стол этот достаточно большой. Ложитесь-ка на нем до утра. А мне дайте ваш адрес, ключ, я все устрою – потом вернусь за вами, когда уже будет готово...

Он поглядел на меня, как на Бога, благоговейно сложив руки, и покорился во всем, как дитя. Лег на стол, положив под голову пиджак, вздохнул и сказал извиняющимся тоном:

– Я над ней больше суток просидел. Пожалуй, даже не плакал – все смотрел на мертвое лицо. А когда обоняние мое почувствовало странный и неприятный запах, совсем жене не присущий, – испугался и убежал из дому.

Было уже светло. Я заехал к себе домой, захватил там квартирную хозяйку, старуху, очень понимающую во всех этих погребальных штуках, потом в участок, взял околоточного и доктора, вошли мы в мастерскую художника. Действительно, на полу лежит женщина, и первый, кто устроил ей погребальный обед, были крысы, порядком объевшие покойницу. Да... Нелегко дышалось и этой комнате!

К вечеру вся процедура была закончена, мастерская проветрена, покойница запрятана в мокрую зловонную трясику, именуемую в столице кладбищенской могилой, и я торжественно ввел во владение мастерской художника, терпеливо дожидавшегося меня в трущобе на Обводном канале. И что ж вы думаете? Когда он вошел в мастерскую, первым долгом поглядел на то место на полу, где лежала жена, благодарно поцеловал меня, пробормотал: «Сейчас буду писать ее в раю, куда она, я полагаю, попала», – и, как ни в чем не бывало, принялся загрунтовывать свежий холст. Писал до вечера. Это он хорошо делал. Потом я видел картину... Прекрасная! Этакая мистическая вещь. На выставке была.

Мотылек обвел удовлетворенным взглядом притихших слушателей и добавил:

– А что вы думаете, Меценат! Этот непрактичный художник, это Божье дитя любил «живую жизнь» еще больше, чем мы с вами!

– Ты меня обокрал, Мотылек! – печально улыбнулся Меценат. – Я хотел рассказать историю в том же грустном зловещем стиле, а ты меня опередил!

– О, милый Меценат, – поощрительно возразила Яблонька. – Вовсе не обязательно, чтобы история была веселая. Мотылек, например, очень угодил мне своим рассказом во вкусе Гойи. Начинайте и вы!

– Яблонька может вертеть мной, как ребенок погремушкой. Тряхнула – и я начинаю греметь. Позвольте мне назвать свою историю –

О СУМАСШЕДШЕМ, КОТОРОГО ОБМАНУЛИ

Два года тому назад проживал я летом в одном из своих имений... Река, сенокос, парк, огромный плодовый сад – хорошо! Приехал ко мне в гости приятель, кандидат прав – Зубчинский. Уселись мы с ним на веранде, увитой диким виноградом, играть в шахматы – оба были страстные шахматисты. Сбоку столик, на столике белое вино со льдом, ягоды, бисквиты – хорошо! Передвигаем фигуры, болтаем о том о сем, вдруг он, сделав удачный ход, на минутку призадумался, посмотрел на меня странными глазами и говорит:

– Что, если шахматного коня сеном накормить? Можно тогда партию выиграть?

Шутка была глупая. Я пожал плечами, снисходительно усмехнулся и говорю:

– Что за дикая мысль пришла тебе в голову?

– Нет не дикая! (И смотрит на меня нехорошими глазами.) Нет-с! Не! Дикая! Сено – великая вещь. Если теноров кормить сеном, они как соловьи будут петь! А вам все жалко?! Лошади у вас живут без сена – безобразие!

– Николай Платоныч, – испуганно говорю я. – Что это ты, от жары, что ли? Опомнись!

Завизжал он дико, пронзительно:

– Не потерплю! У самого сенокосы по пятьсот десятин, а он лошадей с голоду морит!! Во мне, может быть, душа лошади – и я страдаю! Подлецы!!

Волосы у него сделались влажными, стали дыбом.

Я его взял за руку, а он как обожженный отскочил, закричал, перекинулся через перила веранды и давай по клумбам сигать, точно жеребенок...

– Ход коня! – кричит снизу. – Видишь? Париуй, подлец!

Прыгал он, прыгал, наконец, очевидно, острый пароксизм прошел, утомился, притих, улегся на ступеньках веранды и принялся тихо, жалобно плакать.

Я долго стоял над ним в раздумье. Положение было жестокое и глупое. Что Зубчинский мой сошел с ума – я, конечно, не сомневался. Но что с ним делать дальше? Помешательство, очевидно, буйное. Связать его и запереть в сарай – жаль. Все-таки приятель. До ближайшего доктора двадцать верст, до губернского города, в котором была и лечебница для умалишенных, – около трид-

цати. Но как довести его туда, этакое сокровище? Сумасшедшие необычайно подозрительны, хитры, и, конечно, мой Николай Платоныч сразу догадается, куда я его везу... А догадается – страшных вещей может наделать. Силища у них в этом состоянии непомерная – и Телохранителю, пожалуй, не справиться.

Пока я стоял так над ним в раздумье, приблизился мой управляющий – человек со светлой головой, бывший провинциальный актер, потянувшийся за мной на лоно природы. Он из окна своего флигеля видел, какие курбеты выделял на клумбах мой кандидат прав, и поспешил на помощь.

Я отвел его в сторонку, посвятил в двух словах во всю эту глупую историю, спрашиваю:

– Что делать?

– Не иначе как в город везти нужно, в сумасшедший дом.

– Да ведь как его отвезешь-то? Ведь он тут все переломает и нас перекалечит.

– Хитростью надо взять.

Призадумался я – и вдруг, как птица крылом по воде, зацепилась у меня в мозгу мимолетная, но очень светлая мысль.

– Вот что... – сказал я. – Вы можете часа на четыре притвориться сумасшедшим?

Смотрит на меня управляющий умными глазами, ухмыляется:

– Конечно, могу. Актером я был неплохим.

– Ну и ладно. Попробую подловить на это беднягу. Сядьте-ка там за столом и скроите физиономию по возможности наиболее идиотскую. А я с ним поговорю.

А Николай Платоныч плакал, плакал и затих. Задремал, что ли... Сел я около него на ступеньки веранды, потряс его за плечо и говорю:

– Николай Платоныч, а Николай Платоныч! Поднял он измученное осунувшееся лицо и спрашивает:

– Что тебе?

– Послушай... У меня, брат, большое несчастье!

– А что такое?

– Мой управляющий с ума сошел.

В его тусклых глазах блеснул интерес.

– Да что ты? Гаврилов? С ума сошел? С чего же это он?

– А черт его знает. Понимаешь, стал уверять, что он нынче утром крысу проглотил.

– Вот дурак-то! Как же это человек может проглотить крысу?

– То же самое и я ему говорю! Никаких резонов не принимает – сидит внутри крыса, да и только!

– А знаешь что? Дай я с ним поговорю. Может, урезоню.

Подошел к управляющему. Стал разглядывать его с огромным интересом и сочувствием.

– Послушайте, что с вами случилось?

– Крыса внутри сидит. Нынче нечаянно проглотил.

– Ну, Гаврилов, голубчик! Подумайте сами: ведь это вздор. Как это человек может проглотить крысу? Ведь вы человек интеллигентный, знаете строение гортани, пищевода...

У моего Гаврилова лицо до того тупо-идиотское, что смотреть противно.

– Раз я вам говорю, что у меня внутри крыса, значит, она там. Вот приложите руку к животу – слышите, как скребет когтями внутри?

– Поймите, что никакое живое существо не выдержит температуры желудка...

– Не морочьте голову... Вы подкуплены хозяином. Плюнул Николай Платоныч, отошел ко мне:

– Форменный сумасшедший! Я ему логически доказываю, что не может быть живая крыса в человеческом животе, а он черт его знает что несет. Послушай... Давай его полечим, а?

– Чем же его лечить?!

– Покормим сеном. Живые соки, которые находятся в стебельках свежего сена, могут оказать очень благотворное действие на серое вещество мозга. Понимаешь – сочное сено! Накормим его, а?

Я сделал вид, что размышляю.

– Сено, конечно, очень полезная вещь. Но как его дозировать? Очень сильная доза может оказаться убийственной. Здесь без доктора не обойдешься.

– Так отвези его в сумасшедший дом, там его поставят на ноги.

– Я бы и отвез, но одному трудно. Друг Николай Платоныч, выручи! Давай его вместе отвезем.

– Послушай... А вдруг он догадается, куда мы его препровождаем?

– А ты с ним поговори. Соври что-нибудь. Николай Платоныч сомнительно покачал головой, приблизился к Гаврилову и сказал, хитро на меня поглядывая:

– Вот что, друг Гаврилов! Мы тут обсудили этот вопрос с крысой и решили вас везти в город на операцию. Раз крыса в желудке, нужно его вскрыть и извлечь оттуда инородное тело. А потом уж я буду долечивать вас сеном – согласны?

– Я боюсь докторов! Вообще же есть у меня один приятель – доктор, да он в доме умалишенных служит.

Глаза сумасшедшего радостно блеснули.

– Ну, вот мы вас к нему и отвезем. Конечно, знакомый доктор лучше!

Он подошел ко мне на цыпочках и подмигнул на Гаврилова с дьявольски лукавым видом:

– Все устроится как нельзя лучше. Этот болван со своей глупой крысой внутри сам лезет в лапы психиатров. Вели закладывать лошадей – мы его живо домчим.

И вот, когда мы уселись в экипаж, нужно было видеть, с какой трогательной заботливостью относился настоящий сумасшедший к поддельному. Он закрывал ему ноги пледом, хлопотливо засовывал за жилет клоч сена («Жизненная эссенция сена очень хорошо размягчает инородные тела внутри организма...»), изредка во время пути обращался к Гаврилову, сочувственно кивая головой:

– Ну, что, Гаврилов?... Успокоилась крыса?

– Нет, ворочается, проклятая.

– Ах ты ж, история какая. Ну, потерпи, голубчик... вот привезем тебя, сделаем операцию – и все как рукой снимет.

Приехали. У ворот дома умалишенных Зубчинский заботливо помог Гаврилову выйти из экипажа и, деликатно поддерживая под локоть, стал всходить с ним по ступенькам лестницы.

Я шел сзади, а сердце отчего-то тоскливо ныло.

На наше счастье, в приемной находился в тот момент доктор с ассистентом и два здоровенных служителя в белых халатах.

– Чем могу служить? – деловито спросил доктор. Оставаясь благоразумно около входных дверей, я сделал незаметный знак доктору и сказал:

– Да вот приятель у меня захворал. Не можете ли вы его освидетельствовать?

– Понимаете, доктор, – развязно вступил в разговор Зубчинский. – Вообразил он, что в его животе сидит крыса, и...

– Дело, собственно, не во мне, – вежливо шагнул вперед, кланяясь и делая знак доктору, Гаврилов. – А мы привезли к вам господина Зубчинского...

Доктор опытным взглядом окинул лица обоих и сразу понял, в чем дело.

– То есть он шутит, – насильственно улыбаясь и странно дрожа, сказал заискивающе Зубчинский. – Если крыса действительно сидит внутри, то препарат свежего сена...

– Хорошо, хорошо. Но вы, господин Зубчинский, пока отдохните, вы устали с дороги. Уведите этого господина в восьмой номер!

Глаза Зубчинского странно округлились, он дернулся вперед, но четыре могучие руки уже клещами держали его сзади. Он увидел ясно сразу, все в один момент: Гаврилова, деловито что-то шепчущего на ухо доктору, и меня, отворачивающего от него смущенное лицо, меня, который уговорил его помочь, меня, который уже взялся за ручку двери, чтобы уйти, покинуть его.

И страшный, как лязг железа, стон прорезал застоявшийся больничный воздух:

– Обманули!!! Доктор, они меня обманули!! Погиб!! Не помня себя я выскочил из приемной, кубарем скатился с лестницы и опомнился только тогда, когда Гаврилов догнал меня на улице,

усадили в экипаж и мы выехали снова на степной простор среди желтеющих полей. Гаврилов молчал, но, если бы даже он заговорил, я бы не слышал его голоса. Все заглушалось этим до сих пор звенящим в ушах пронзительным криком, в котором слилось все человеческое отчаяние, ужас, страшный упрек и огромное страдание при столкновении с подлостью людской:

– Обманули!!!

Рассказ произвел большое впечатление. После общего молчания лежащий около Яблоньки Новакович вздохнул своей могучей грудью так, что даже приподнялся корпусом, и сказал задумчиво:

– Эти две истории – ваша, Меценат, и Мотылька – навалились на меня, как две надгробные плиты. Я возлагаю большие надежды на Яблоньку в смысле освежения этой склепообразной скелетопоподобной атмосферы. Рассказывайте что хотите, Яблонька, и если даже вы заткнете какой-нибудь иллюминатор дельфином, все равно окружающие будут в восторге.

Яблонька погладила нежной, как лепестки розы, рукой огромную голову белого медведя и, сжав значительно губки, погрузилась в задумчивость... Потом решительно тряхнула жидким золотом своих растрепавшихся волос.

– История моя так же коротка, – улыбаясь, сказала она, – как и случай с двуногой собакой, хотя я и не так ленива и односложна, как ее автор Кузя. Так как у нас уже установилось правило, чтобы давать рассказываемым историям заглавия, то моя история должна называться несколько легкомысленно –

СВЯЗАЛСЯ ЧЕРТ С МЛАДЕНЦЕМ

Два года тому назад жила я с родными на даче. При даче был небольшой парк, который непосредственно переходил в лес, отделяясь от него деревянным высоким забором. По сю сторону забора стояла скамья, на которой я любила сидеть с томиком Тургенева или Гончарова, пригретая солнышком, обвеянная смолистым ароматом деревьев...

Сижу однажды, читаю, вдруг – слышу за забором шорох. Сначала я подумала, что это пробрается кто-нибудь из гуляющих дачников, переждала немного, опять углубилась в чтение, вдруг ухо мое ясно уловило за забором чье-то дыхание. Человек всегда инстинктивно чувствует, что за ним наблюдают, и я это сразу почувствовала: за забором в щель меня кто-то разглядывал...

– Кто там? – строго спросила я. И вслед за этим услышала шорох чьих-то быстро удаляющихся шагов.

Тут же этот пустяк сразу и вылетел из моей головы, но вечером, когда я вернулась с прогулки по озеру в свою комнату, мне в глаза бросилась странная вещь: на туалетном столике, прислоненный к зеркалу, стоял образ святителя Николая Чудотворца в золоченой ризе. Вне себя от удивления, я позвала прислугу, опросила всех домашних – все выразили полное недоумение: такого образа ни у кого в доме не было и в мою комнату никто не заходил, тем более что дверь была мною заперта.

Мы все в душе немного Шерлоки Холмсы, поэтому я, оставшись одна, стала на колени и внимательно освидетельствовала ковер. Следов, конечно, никаких не было, но по линии от раскрытого окна до туалетного столика я обнаружила несколько песчинок, лежавших небольшими островками на определенном друг от друга расстоянии. Конечно, это мне ничего не объяснило, так как и сама могла занести на подошвах эти песчинки – пришлось предать чудотворный случай с Николаем Чудотворцем забвению.

Но дня через два повторилось то же самое: утром чье-то дыхание за забором и шорохи, вечером на туалетном столике я обнаружила флакон французских духов, уже откупоренный и начатый.

Я опять взяла всех на допрос, и снова все отозвались полным незнанием, а горничная посоветовала запирать мое окно, выходящее в сад.

Я так и сделала, но на четвертый день окно оказалось открытым, а на столике лежало несколько книг в великолепных переплетах, но по содержанию их подбор был самый странный: два тома Энциклопедического словаря, том стихов Бодлера, роскошное издание «Бабочки Европы»

Мензбира и «Семь смертных грехов» Эжени Сю в русском переводе...

Мне сделалось не по себе. Очевидно, кто-то через окно являлся в мою комнату, как к себе домой, и хотя ничего не уносил, а, наоборот, одаривал меня же, но, согласитесь, неприятно чувствовать, что «мой дом – моя крепость», это фундаментальное правило англичан, уже кем-то неоднократно нарушено.

На другое утро я, не переставая размышлять об этой дурацкой истории, захватила томик Бодлера и «Бабочки Европы» – с целью рассмотреть все это и направилась к своей любимой скамейке. Снова за забором шорох и чье-то дыхание... Я подождала немного, сделала вид, что всецело погружена в разглядывание раскрашенных политипажей, – и вдруг, как молния, внезапно обернулась назад. Взгляд мой успел схватить чью-то рыжую голову в жокейской фуражке, при моем движении вдруг провалившуюся вниз с легким восклицанием.

– Послушайте, молодой человек, – строго сказала я. – Подглядывать неблагородно. Лучше уж покажитесь, чем прятаться за забором, как заяц.

– Я не прячусь, – сконфуженно пробормотал рыжий «молодой человек», снова выглянув из-за забора. – Я тут... вообще на сад любуюсь.

Вдруг взгляд моего нового знакомца упал на книгу Мензбира, которую я держала в руках, и лицо его засияло от удовольствия:

– Понравилось вам, барышня? – спросил он, указывая грязной рукой на книгу. – Книжонка, кажется, стоящая. А? Чудеса, можно сказать, природы!

И тут я сразу догадалась, кто был автором всех этих нелепых подношений.

– Значит, это вы лазите через окно в мою комнату? – сурово спросила я, еле удерживая улыбку при виде его смущенного лица.

– Простите, барышня. Я ж ничего и не взял у вас. Наоборот, презентовал кой-чего на память.

– Зачем же вы это делаете?

– Очень вы мне приятны, лопни мои глаза! На вас и поглядеть-то – одно удовольствие. Сломайте мне два ребра, ежели вру!!

Объяснение в любви от такой нелепой рожи не могло польстить моему женскому тщеславию, и я сказала еще суровее:

– Чтоб этого больше никогда не было, слышите? И потом, я не хочу, чтоб вы тратили деньги на подобные глупости!

– Тю! Кто это? Я трачу? Об этом не извольте беспокоиться – ни копейки-с! Все задаром. А образок я вам, как говорится, на счастье. А ежели что не нравится, так мигните – все настоящее предоставляю: из материи что али из брошков, с браслетов...

– Да вы что, купец, что ли?

– Так точно, – хитро ухмыльнулся он. – Почти что купец. Некупленным товаром торгую.

Я хотя и девушка, почти не знающая жизни, но сразу сообразила, что это за купцы такие, которые «некупленным товаром торгуют».

– А что, если я на вас полиции донесу?!

– Ни в жисть не донесете, – спокойно сказал он, пяля на меня свои глупо-влюбленные глаза. – Не такой вы человек, чтоб другого под монастырь подвести. Нешто такие беленькие доносят? Этот вор был большим психологом. Я помолчала.

– Что же вам от меня нужно?

– Разик на вас глазом глянуть да презент какой исделать – больше мне ничего и не требуется. Уж такая вы барышня, что прямо на вас молиться хочется. Два ребра сломайте, ежели вру!

– Молиться, говорите, а сами для меня вещи воруете.

– Зачем специально для вас? Я кой-что и для себя делаю.

Посмотрела я на его рыжую расплывшуюся физиономию, и почему-то жалко мне его стало.

– Слушайте, голубчик... Если я вас о чем-то попрошу, вы сделаете?

– В один секунд! Голову себе или кому другому сверну, а добуду! Два ребра!..

– Вы меня не поняли!.. Я прошу вас о другом: бросьте это ваше... занятие!

Он призадумался, изящно почесывая оттопыренным большим пальцем рыжую голову.

– «Работу» бросить? Гнилой это плант ваш, прекрасная барышня. Делу я никакому не при-

учен – только «работать» могу. Да кто меня и возьмет на дело? Извольте полюбоваться на личность – прямо на роже волчий паспорт нарисован, за версту от меня воров пахнет.

Ах, бедняга! В этом он был категорически прав, даже не клянясь двумя сломанными ребрами.

Представьте себе, долго я с ним беседовала, и хотя, несмотря на все доводы, не могла направить его на правильный путь, но расстались мы друзьями. Он даже дал слово не таскать мне в окно «презентов», вымолил только разрешение «чувствовать меня лесными цветочками».

Я видела, что встречи со мной доставляют ему огромную радость, и думаю я, что помимо этого невинного удовольствия – никаких утех в его горемычной жизни, исключая пьянство и чужие сломанные ребра, – никаких других утех не было!

Приходил он к забору в течение лета несколько раз. Я ему связала в «презент» гарусный шарф, а он перекидывал мне через забор «лесные цветочки», но и тут раза два по своей воровской натуре сжульничал, потому что однажды презентовал мне цветущий розовый куст, выдернутый с корнем, а другой раз преподнес букет великолепных оранжерейных цветов, бешено клянясь при этом всеми сломанными ребрами мира, что сорвал в лесу. Дикий человек был (закончила Яблонька с ясной светлой улыбкой) – что с него взять!

– Где же он теперь, этот ваш рыцарь без страха, но с массой упреков?... – ревниво спросил Новакович.

– Ах, я боялась этого вопроса, – уныло, со вздохом прошептала Яблонька. – Конец этой истории такой грустный, что я хотела не наводить на вас тоски... но раз вы спрашиваете – закончу: когда я уже жила в Петербурге, мне однажды какой-то оборванец принес безграмотную записку на грязном клочке бумаги. Недоумеваю, как он узнал мой адрес... В записке значилось: «Если вы точно что ангел, то не обезсудьте, придите проститься. Очень меня испортили на последней работе – легкия кусками из горла идут. Повидаться бы!! Лежу в Обуховской больнице, третья палата, спросить Образцова... Ежли ж когда придете – оже помру, – извините за беспокойство».

– Что ж... пошли? – тихо спросил Меценат.

– Конечно! Как же не пойти. Труд не большой, а ему приятно. Засиял весь, как увидел. Этот рыжий неудачник, прости его Господи. При мне же и умер... Сдержал-таки свою любимую клятву «сломанными ребрами»: доктор говорил – три ребра сокрушили ему.

Вдруг Яблонька вздрогнула и, отдернув руку, лежавшую около Куколки, поднесла ее к лицу.

– Кто? Что это? Неужели Куколка? То, что вы поцеловали мою руку – так и быть, прощаю вам, но что на ней ваши слезы – нехорошо. Мужчина должен быть крепче.

– Господи! – в экстазе вскричал Куколка, приподнявшись с ковра на колени и молитвенно складывая руки. – Неужели такие женщины существуют? Как же, значит, прекрасен Божий мир!!

Мгновенную легкую неловкость развеял Мотылек:

– А ваша история, чувствительная Куклиная душа?! Вы должны ее рассказать – чтоб мне два ребра сломали!!

– О друзья! Позвольте мне ничего не рассказывать... После истории Яблоньки все другие истории покажутся шакальим воем. Да если вы хотите – самая чудесная история в моей жизни – это та, которую вы знаете: знакомство с такими замечательными людьми, как вы, и та сила, та мощь, которую вы в меня вдохнули и которая, я чувствую, сыграет огромную роль в моей жизни!! Последний бокал пью за ваше здоровье и счастье, мои родные друзья!! Уже поздно. Не пора ли спать? Этого вечера я никогда не забуду!..

Домой шел Куколка, пышно освещенный полной луной. Глаза его, полные слез, были обращены к небу, и там в неизмеримой роскошной глубине он видел прекрасного Бога, окруженного сонмом сверкающих серафимов и не чувствовал в этот момент Куколка под собой земли, потому что, когда наткнулся на уличную проститутку, то даже вопреки своему обыкновению не извинился.

Глава XIV

куколка входит в моду

Случаются в Петербурге такие воскресные дни, когда воздух делается как-то чище и светлее, небо ярче и солнце светит, точно праздничная русская девушка в алом сарафане, идущая в церковь под бурный и радостный колокольный звон, – солнце светит тоже по-праздничному... Тогда будни уползают, как серые старые змеи, куда-то далеко и на душе весело, радостно. Тогда музыка городской суеты звучит ленивее и гармоничнее, а золотые пылинки в дружески теплом луче солнца, протянутом от неплотно задернутой портьеры до узорчатого ковра над кроватью, пылинки пляшут особенно беззаботно и лихо...

Хоровод этих крошек особенно затанцевал и закружился, когда Куколка потянулся в своей постели и раскрыл сонные глаза.

Утренний церковный благовест разлился круглыми, тугими, упругими, как литые мячи, звуками, и несколько таких медных мячиков-звуков запрыгало в Куколкиной комнате, схватившись за руки с пляшущими золотыми пылинками.

Этот веселый утренний бал окончательно вернул Куколку от сна к жизни.

Он бодро вскочил, накинул халатик, заказал хозяйке кофе с филипповскими пирожками, принял ванну и, освеженный, особенно благодухный в предвкушении праздничного дня, важно развернул свежую газету. В отделе литературной хроники было написано и о нем:

«Входящий в известность писатель В. Шелковников едет в скором времени в Италию на Капри, где будет работать над задуманным им романом».

Куколка улыбнулся и с дружеским упреком покачал головой:

– Ах, Мотылек, Мотылек! Вечно он что-нибудь выдумает... Впрочем, это он для меня же. Какой такой роман? И в голове даже не было. А роман хорошо бы написать. Толстый такой. В трех частях.

Снова гулко и тяжело грянули воскресные колокола; Куколка при этих звуках вдруг бросил газету и всплеснул руками:

– Боже ты мой! А помолиться-то я и забыл!..

Очевидно, для Куколки это было важное упущение («Пойди-ка потом исправь! Как исправишь?»), потому что он немедленно же опустился перед образом на колени и вознес к Богу ряд мелких и крупных молитв, где причудливо смешались воедино прошения и благодарения за посланное свыше: молился он за мать, за Россию, за Мецената и Мотылька, за Кузю и Новаковича – его новых, таких преданных друзей; за то, чтобы тираж «Вершин», где он секретарствовал, вырос вдвое, благодарил Бога за ниспосланный ему талант, вознес самую пышную гирлянду лучших отборных молитв за прекрасную, чудную Яблоньку, а вспомнив, кстати, и о ее знакомом рыжем воре, испросил и для него у Господа Бога мирного упокоения в селениях праведных.

Чистая душа был этот Куколка, и сердце его возносилось с просьбами ко Вседержителю с такой же сыновней простотой, с какой мальчишка выпрашивает у матери лишнюю горсть орехов.

Покончив с религиозными хлопотами и заботами, Куколка бодро нырнул в светские дела, а именно: выпил большую чашку кофе с двумя популярными филипповскими пирожками, еще тепленькими, и принялся писать матери в провинцию восторженное письмо о своих блестящих шагах на поприще литературной славы, о верных друзьях меценатовской плеяды, о Яблоньке, которая, по его меткому утверждению, была лучшим Божьим созданием на земле, о романе в 3–4 частях, который он предполагает писать (так здоровое зерно, брошенное в черноземную почву, немедленно дает роскошные ростки), о взаимоотношениях редактора и издателя «Вершин», о своей квартирной хозяйке – о многом писал Куколка, много зернистых мыслей и сведений опрокинул со дна чернильницы на бумагу, много дряни и трухи втиснул туда же, инстинктивно памятуя, что родительский желудок все, все, решительно каждую крупичку с жадностью поглотит и все с благодарностью переварит...

Только что окончил Куколка письмо, как в дверь постучали.

– Пожалуйста, войдите, – разрешил Куколка. Господин с жесткой щетиной на лице и искательными глазами, в узкой, отлакированной временем, венскими стульями и пивными столиками без скатерти визитке, в брюках, чудовищно вздутых на коленях, будто он сунул туда два футбольных мяча, – такого вида господин вошел в комнату и поклонился с принужденной грацией щедро получившего на чай трактирного слуги.

– Простите, что врываюсь. Праздник. Отдых. Знаю. Но пресса безжалостна. Чудовище. Сжевывают зубами в конце концов всего человека.

К новоприбывшему чудовище-пресса, однако, отнеслась довольно милостиво: кроме наполовину сжеванного галстука и объединенного низа брюк, он почти не пострадал от зубов прессы.

– Да, насчет прессы вы верно отметили, – благосклонно согласился Куколка. – Чем вообще могу служить?

– Я от редакции «Вечерняя Звезда». Прислан. Интервьюировать. Вас. Разрешите!

Сердце Куколки бешено забилося и сладко, как на качелях, опустилось вниз, чтоб сейчас же еще слаще взлететь в поднебесье.

– Да что вы... Мне, право, так неловко. Зачем же вам беспокоиться... Я бы сам пришел, если нужно.

На лице щетинистого изобразился благоговейный ужас.

– О, что вы! Как же мы осмелились бы беспокоить такого масти... (он чуть не сказал «масти-того», но, взглянув на юное простодушное лицо Куколки, спохватился) такого... популярного человека! Итак, разрешите?

– Извольте! – засуетился Куколка. – Да вы не хотите ли кофе выпить?.. Вот и булочки, масло, пирожок есть.

– Я, собственно, уже завтракал, – пробормотал интервьюер «Вечерней Звезды», в то же время обрушиваясь на предложенные продукты с такой яростью, что его слова о съеденном завтраке должны были бы относиться к эпохе семидесятых годов. – Эх, под такой бы пирожок бы да рюмочку бы водки... двуспальную!

На лице Куколки отразилось совершеннейшее отчаяние.

– Ах ты несчастье какое, Боже мой! Водки как раз и нет! И как это я упустил?! Впрочем, есть красное вино. Вы выпьете красного?!

Интервьюер закивал головой и промышчал набитым ртом так энергично, что было очевидно – окраска предложенного напитка являлась для него мельчайшей деталью.

Наконец, отвалившись от стола, он допил последнюю каплю вина и сказал в виде оправдания своему хищному поведению:

– Прогулка, знаете, дьявольски развивает аппетит! Где родились?

– В Симбирске.

– Хороший город. Непременно побываю. Так и запишем: «Место рождения – Симбирск». Учились?

– Учился.

– И правильно. Учение, как говорится, свет. Почему начали писать?

– Тянуло меня к литературе.

– Благороднейшая тяга! Другого, паршивца, к бильярду тянет, ботифончик этакий заложить, а избранные натуры непременно к литературе взор свой обращают или там к музыке какой ни на есть. На какие языки переведены?

– Собственно, еще ни на какие...

– Так и запишем: «Две поэмы вышли в английском переводе в „Меркюр-де-Франс“».

Репортер откинул назад голову и с такой восторженной любовью и гордостью артиста поглядел на четко выписанное им в памятной книжке название иностранного журнала, что у Куколки не хватило духу протестовать.

– Кого из классиков лично знали: Тургенева, Достоевского, Гончарова?

– Помилуйте, меня и на свете тогда не было.

– Прискорбно. Строк тридцать похитила у меня эта ваша молодость. Впрочем, черкнем штришок: «В бытность свою в Симбирске великий Тургенев взял однажды на руки Шелковникова – тогда еще малютку – и пророчески воскликнул: „Вот мой продолжатель!“».

– Но... ведь этого... не было!

– А почем вы знаете? Вдруг было, да вы по младенчеству не обратили внимания. Ваш любимый писатель?

– Пушкин.

– Так и занесем: «Пушкин и Достоевский». Говорят, роман пишете?

– Видите ли... я еще не знаю...

– Так-с. Тайна. Понимаю. Тайна – святое дело. Из какого быта? Я полагаю, насчет оскудения интеллигенции. Э!

– Как вам сказать... – в отчаянии пробормотал Куколка.

– Так и запишем: «В будущем произведении жестоко бичуются уродливости русских Рудинных, оторвавшихся от земли...» Курите?

– Ну, это такая деталь, что стоит ли указывать...

– Нет, мне бы, мне папироску. Ужасно курить хочется! Я в том смысле. Скажите еще что-нибудь копеек на тридцать! Для округления.

Куколка беспомощно взглянул на него. Что ему сказать? У бедняги даже мелькнула мысль предложить интервьюеру эти недостающие тридцать копеек наличными, но тот уже вдохновенно перебил его:

– Спортом занимаетесь? Вы, по-моему, хороший боксер легкого веса. Нет? Ну, все равно займетесь на свободе. «Наш собеседник очень увлекается, кроме литературы, и той отраслью спорта, о которой еще знаменитый Расплюев отзывался: „Просвещенные мореплаватели – и вдруг бокс“. Тот Расплюев, который в изображении артиста Давыдова вырастает в...» Ну, во что он вырастает, я после допишу. Дома.

Он перечитал написанное и вытянул губы трубочкой.

– Гм... суховато немного вышло. Ну, я дома еще иллюминую; красочкой кое-где трону. Ну, я побегал. Еще один фрукт на очереди. Посланник. Балканский вопрос. Рубля на четыре. Счастливо оставаться. Еще папиросочку. Можно? Три? Ну, три! Или пять? Для округления. Так, в Саратове родились? Чудный город. Обязательно побываю. Так сказать, на месте преступления. Чудно! Пляж. Фактории. «Эх ты, Волга», – как говаривал покойный Степан Разин. Эпос, а? До скорейшего.

Этот бедный поденщик пользовался в литературных кругах популярностью за одну свою странную особенность: получив в конце месяца из редакции деньги – рублей пятьдесят, – он, вместо того чтобы освежить свой туалет или расплатиться с пребывавшей в хронической панике квартирной хозяйкой, вместо этого он брал лихача на дутых шинах, мчался в «Аквариум», заказывал великолепный ужин в ложе, выходящей к сцене, пил шампанское, закуривал «гавану» и, купив у продавщицы пук красных роз на деньги, оставшиеся после уплаты по счету, барским жестом швырял цветы какой-нибудь пляшущей на сцене испанке, после чего пешком возвращался домой, опустошенный, но бодрый, бормоча себе под нос:

– По-великокняжески провел вечер! Ай да мы, Пегоносовы! Вот это жизнь! Красота! Ракета!

Манера разговаривать у него была тоже особенная, никому другому не свойственная. Мотылек почему-то называл эту манеру «фонетическим методом».

При встрече с Мотыльком он еще издали кричал:

– Здравствуйте, красавец! Зарабатываете? Красота! А галстучек-то! Мода! Король Эдуард пуговицу на жилетке для моды расстегивал! Англичане! Гибралтарский вопрос! Думаю в Испанию поехать – кастаньеты, танцовщицы, в «Аквариуме» давно были? Осетрина беарнез чудная! Рыбный вопрос! Думаю рыбной ловлей заняться! Море – Черное – Каспийское – Нефтяные вышки – Нобель – керосиновый король – красавец – зарабатывает!!

Эта бесконечная лента могла тянуться полчаса.

Теперь, когда он вышел от Куколки, Куколка минут пять сидел оглушенный, будто его посадили под жерло пушки и выстрелили.

Но не успел он прийти в себя, как в двери снова постучали.

– Можно?

– Можно.

Вошел седобородый старец, казалось весь сделанный из мягкого серебристого плюша, благостный, импозантный, в сером сюртуке и с плюшевой шляпой в руке.

– Жаждал познакомиться... – мягким серебристым баском проворковал он, окружая руку Куколки двумя пухлыми ладонями, будто пуховой периной. – Вот вы какой!.. Совсем молодой. А

мы уже старики-с! Да-с... На исходе. Вы в гору – мы под гору. Вот и зашел посмотреть, чем молодежь дышит.

– С кем имею честь?.. – пробормотал Куколка. Посетитель назвал свою фамилию, и Куколка так и отпрянул в благоговейном ужасе: носитель фамилии был крупный, по петербургскому масштабу, писатель, гремевший своими романами в прошедшем десятилетии.

Что его привело к бедному, в шутку раздутому, «как детский воздушный шар», по выражению Мотылька, Куколке? Захотелось ли ему при взгляде на Куколку вспомнить себя самого – молодым, входящим в моду, «взбирающимся на высокую гору»? Или уж очень он боялся отстать от века? Или захотел старый литературный слон, грешным делом, заручиться признательностью и дружбой будущей знаменитости? Бог его знает. Темны и извилисты пути артистической души на закате!..

– Боже ты мой! – засуетился радостно смущенный, растерянный Куколка. – Я даже не знаю, какое кресло вам предложить! Ведь вы наш учитель! На какое почетное место посадить вас?!

– Э! Все равно в конце концов в калошу посадите, хе-хе. Впрочем, шучу. Вы имеете, кажется, отношение к редакции «Вершины»?

– Да... я там... секретарем.

– Хороший журнал. В моду входит. Я вам, кстати, чтоб не с пустыми руками заходить, вещицу принес. Кажется, удалась. Хотите, берите для журнала!

Куколка бросил косой взгляд на извлеченную из сюртучного кармана трубкообразную «вещицу», и хотя был он восторжен и неопытен, как дитя, но не мог не заметить, что «вещица» уже бывалая. Следы ее путешествий ясно обозначались в виде истертых, потрепанных краев и карандашных ядовито-синих, не поддающихся резинке пометок на обложке: **«К возвр.»**.

Тем не менее Куколка вещицу благоговейно взял и тут же заверил, что со своей стороны приложит все усилия, чтобы в ближайшее время... и так далее.

Был он еще мягок и сердечен, резко отличаясь от старых очерстневших редакционных тигров, жестоких палачей, живодеров, убийц и крушителей как робких, радостно начинающих, так и угрюмо кончающихся дарований.

– Ну, теперь я пойду... А то вы тут, может, творили что-нибудь... хе-хе... вечное, а я, старый брюзга, мешаю.

Еще раз Куколкина рука нырнула, как в душную пуховую перину, – в две чисто вымытые пухлые ладони, и плюшевый мягкий старик вышел, покачивая серебристой бородой, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

После его ухода Куколка посидел еще немного в задумчивости, перечитал письмо к маме, дописал несколько строк и сказал сам себе, потирая лоб:

– Что-то мне еще нужно сделать?.. Неприятное, но необходимое... Гм! Со вчерашнего дня собираюсь. Ах да! Разыскать Мецената и поговорить с ним.

Куколка с гримаской почесал затылок, вынул из ящика письменного стола какую-то светло-фиолетовую записочку, перечитал ее, вздохнул и, энергично одевшись, решительно вышел из дому.

Глава XV мат меценату

Изменял ли жене Меценат? Никто из клеветников не мог сказать об этом ничего положительного или отрицательного. Вообще эта сторона жизни Мецената была окутана абсолютным мраком. В орбите его разнообразной жизни вращались кроме клеветников и несколько очень недурненьких девушек сорта, совершенно противоположного Яблоньке, но у Мецената к ним отношение было более отеческое, чем галантное. На ухаживание за ними вездесущего Мотылька Меценат смотрел сквозь пальцы, сам же ограничивался благодушным подшучиванием над всеми этими Мусями и Лелями, подкармливая Мусю и Лелю ужинами при упадке их личных дел и снабжая малой толикой денег под деликатным предлогом, что «мне твоя красная шляпа, Муся, действует на нервы. Возьми себе эту бумажку и купи что-нибудь менее кровавое!»

И Муси жались к нему при всяких невзгодах, как попавшие под ливень пичуги к могучему гостеприимному дубу.

И сегодня – в этот воскресный день – Меценат тоже кейфовал не один, а обсаженный с двух сторон Мусей и Лелей. Сидели они в том самом кабинете кавказского погребка, где не так давно праздновался день рождения Принцессы, столь прекрасно воспетой Кузей в его импровизации о красоте лени.

Муся сидела справа от Мецената, Леля слева.

Леля была брюнетка в серой шляпе, Муся – блондинка в черной, с эспри. Кроме этого, ничем они друг от друга не отличались. Муся как Леля, Леля как Муся. Одним словом, девушки как девушки.

– Понимаете, Меценат, – рассказывала, волнуясь, Леля. – Когда мы познакомились, он уверял меня, что учится студентом в Лесном институте, а оказался простым приказчиком на дровяном складе вовсе. Как это вам покажется?

– Отчаяние и ужас, – серьезно сказал Меценат, прихлебывая белое вино. – Я бы не пережил этого удара.

– Знаете, я поэтому с ним и разошлась.

– Надеюсь, он не перенес разлуки и покончил с собой?

– Какое! Я сама так думала, а он за Дусей от «О бон гу» стал бегать, да еще и смеется вовсе!

– Смеется?! Возмутительный цинизм. Я бы его на вашем месте забыл.

– Я уже и забыла.

– Ну и умница. Почирикайте мне еще что-нибудь.

– Ха-ха! Что ж вы нас за птиц считаете, что ли? – кокетливо рассмеялась Муся. – Ужасно обидно, что вы нас даже, кажется, не считаете за интеллигентных вовсе. А я даже слушала курсы повивальных бабок!

– Святое призвание. Даю вам слово, если у меня родится ребенок, вы будете первая бабка, которая повеет его.

– Да я не кончила курсы. Все из-за того Гришки, который был инструктором на скетинге. Из-за него и курсы бросила, а потом долго плакала вовсе.

– Значит, ты, Муся, пожертвовала карьерой ради сердца... Такая жертва угодна Богу.

– Какой вы странный, Меценат. Говорите серьезно, а будто смеетесь вовсе.

– Смех сквозь невидимые миру слезы. Ну, чирикните еще что-нибудь.

Муся надула губки.

– Да что мы вам, люди или птицы?!

– Конечно, люди! За убийство каждой из вас убийца будет осужден на такой же срок, как и за убийство Льва Толстого. Значит, с точки зрения юриспруденции вы имеете такой же удельный вес, как и Лев Толстой.

– А у меня есть открытка Льва Толстого.

– Быть не может! Повезло старику.

– Меценат, а кто вам больше нравится – Муся или я? Но этот рискованный вопрос остался без ответа, потому что в ту же минуту из-за портьеры, заменявшей дверь, выглянуло смущенное лицо Куколки.

– Простите, Меценат... Я, право бы, не решился, но я думал, что вы одни. Почтенная Анна Матвеевна сказала, что вы сюда поехали... Я думал, с вами наши...

– Да чего вы там на пороге бормочете извинения?! Входите. Вот познакомьтесь с этими бабышнями: левая – Муся, правая – Леля. Пожалуйста, не перепутайте только, это очень важно.

– Какой хорошенький, – проворковала Муся, косо, как птичка, поглядывая на Куколку. – Прямо куколка.

– Да его Куколкой и зовут, – рассмеялся Меценат.

– Неужели?... Какая странная фамилия.

– Видите, собственно, моя фамилия Шелковников. Имя мое – Валентин, отчество...

И Куколка добросовестно выложил всю подноготную, благо тут не было Мотылька, который никогда не давал ему закончить полного своего титула.

– Но я вас буду лучше называть Куколка. Можно? Вы актер?

– Нет, я поэт.

– Как чудно! Напишите мне стишки.

– С удовольствием, – с невозмутимой вежливостью, характеризующей его в отношениях ко всем окружающим, согласился Куколка. – Выберу свободный час и напишу.

Потом обратил свое лицо, на которое налетело неуловимое облачко заботы, к Меценату:

– Простите, милый Меценат, но я, собственно, к вам по делу. Поговорить бы нужно. Очень серьезно.

Брови Мецената дрогнули от легкого удивления и какого-то тайного смущения, но он сейчас же деловито кивнул головой Куколке и встал.

– Это легко устроить даже сейчас. Тут рядом свободный кабинет. Перейдем туда. А вы, миледи, попросите еще вина и фруктов – позабавьтесь минутку без меня. Наболевший вопрос о предателе – приказчике дровяного склада еще не обсужден вами с исчерпывающей ясностью.

По искусственной веселости Мецената было заметно, что он немного внутренне сжался перед «серьезным разговором», потому что в его грешной голове сразу же мелькнула мысль: уж не открылась ли вся «Кукольная комедия» и не предстоит ли щекотливое объяснение по поводу жестокой шутки «в космических размерах».

Но о том, что случилось на самом деле, бедный Меценат и не догадывался и не мог бы догадаться, если бы ему дали на догадки три года сроку.

В пустом кабинете электричество не горело и весь источник света заключался в небольшом запыленном окне, помещавшемся высоко, а на улицу выходившем низко – в уровень с тротуаром. Солнце золотило пылинки на окне, но они не танцевали, как давеча в комнатке Куколки, а притихли, прижавшись к стеклу и чего-то выжидая. Скатерть со стола была снята, и на голой столовой доске ясно обозначилась цифра «8», получившаяся из двух следов от стоявших рядом мокрых стаканов с вином. На стене висела преглупая картина «Отдыхающая одалиска» – полногрудая женщина, играющая с ручным леопардом на пестром ковре.

Все вышеописанные подробности Меценат заметил не сразу, а втиснулись они в его мозг лишь тогда, когда случилось «это», и осели в мозгу на всю будущую жизнь. Даже запах – причудливая смесь из зеленого лука, лимона, тертого сухого барбариса и острого овечьего сыра, – даже этот специфический аромат, вьевшийся в стены комнаты, долго потом преследовал Мецената.

Когда они вошли в кабинет, Куколка повернулся лицом к свету и, положив свою изящную тонкую руку на могучее плечо Мецената, сказал с некоторым волнением:

– Верите ли вы мне, Меценат, что я люблю вас больше, чем всех остальных?

– Верю, – немного колеблясь, ответил Меценат.

– Очень хорошо. Тогда мне легче говорить. Верите ли вы, что я сейчас обращаюсь именно к вам, потому что вы самый умный, самый добрый и вообще... Вы мне напоминаете доброго Бога-Отца, к которому всякий человек имеет право обратиться со всякой просьбой, за всяким – самым даже диким – советом. Верите?

Такое лестное сравнение немного испугало Мецената, и он с трудом преодолел себя, чтобы скрыть смущение:

– Куколка! Да что же случилось?

– У меня нет никого, кроме вас, старше меня и умнее, к кому бы я мог обратиться за советом по самому неприятному для меня поводу. Дело чрезвычайно деликатное. Со мной это впервые случилось.

– Вам нужен совет? – облегченно вздохнул Меценат. – Говорите смело. Что будет в моих силах...

– Меценат! Вы... не считаете меня фатом?..

– Боже сохрани!

– За это спасибо. Иначе бы я не мог и рта раскрыть. Слушайте же! Одна женщина призналась мне в любви и... как бы это сказать?... немного даже преследует меня. А я, видите ли, ее не люблю. Признаюсь уже во всем: мне нравится другая. А эта первая... она хоть и красавица, да не по душе мне.

И доверчиво закончил:

– Это бывает, Меценат?

– Бывает, – усмехнулся мудрый конфиден. – Скажите, Куколка, а вы давали первой женщине... какой-нибудь повод?

– Ни малейшего. Я только был вежлив, как со всеми прочими... А случилось другое. Согласитесь сами, разыгрывать Прекрасного Иосифа – роль чрезвычайно глупая, но что ж делать, когда у меня совсем другие мысли и... стремления. Вы умный и опытный, посоветуйте, как это ликвидировать?

– Гм!.. Если вы мне так доверились, так доверяйтесь до конца! Чтобы дать вам толковый совет, я должен знать: кто эта первая? Эта жена Пентефрия? А?

– Я думал, вы сами догадаетесь! Впрочем, уж буду говорить все прямо, как на исповеди: Ее Высочество.

Меценат в недоумении поглядел на него:

– Какое... Высочество?

– Ах, Боже мой, да та красавица, которая была с нами в прошлом месяце в этом ресторане. Еще Новакович рассказывал, что она на воздушном шаре от отца бежала... Ну... Принцесса, одним словом!

Потолок был и без того низкий, а в этот момент он спустился еще ниже, с треском ударил Мецената по темени, пригнул его и расплющил... Меценат молча покачнулся, уцепился за спинку стула и осел, будто из него кто-то волшебной силой сразу вынул костяк.

– Что с вами, Меценат? Вы как будто чем-то поражены? Может, мне не следовало этого говорить?

– Нет, ничего, ничего, – замахал трепещущей рукой Меценат. – Это я просто, кажется, выпил вина больше, чем полагается... Подождите!

Он отошел к окну, поднял локти, оперся о подоконник и долго и внимательно разглядывал пылинки, осевшие на стекле.

Мысли у него были разорванные, растрепанные, как облака после бури...

«Вот эта дождевая засохшая клякса чрезвычайно напоминает очертание Африки, – подумал Меценат. – Да... Африка! Туда мы не доехали... Поленилась Принцесса. А будь мы в Египте – ничего бы этого и не случилось... Восемь лет!.. И как легко их составить, эти восемь: след от двух пустых осушенных винных стаканов рядышком – вот тебе и восьмерка. Гм... Ленивая одалиска... Пожалуй, что и не ленивая. И одалиска не ленивая, и леопард – не леопард».

– Я с ним и в цирк, и в кинематограф, как порядочная, а потом его товарищ, знаешь, брюнетик такой, Вася, говорит: «Да какой он студент Лесного института?! На дровяном складе служит. Доски записывает вовсе». – «Что вы ко мне со своими досками лезете», – говорю я, а сама плачу, плачу, как дура, верное слово, плачу, – доносилась из-за стены монотонная, печальная повесть Лели.

Меценат вдруг оторвался от окна и обратил совершенно спокойное лицо к Куколке:

– Ф-фу! Прошло. Ну, теперь рассказывайте, севильский обольститель, как же это все случилось?

– Да вот – в самых кратких словах, потому что вас там дамы ждут, неловко оставлять их скучать! На другой день после знакомства заехал я к ней просто из вежливости, думал, не застану дома, оставлю карточку. Вдруг говорят: «Вас просят». Ну, выпили мы чаю, посидели... то есть сидел я, она лежала... Поговорили. Ухожу я, она говорит: приезжайте еще на днях, привозите стихи, почитайте. Я думал, она стихами заинтересовалась! Приехал вторично, стал ей читать, а она, представьте, заснула, кажется! Очень странная дама. Потом, когда я кончил, очнулась и говорит: «Что вы там сидите, сядьте около меня!» Присел я на кушетку, а эта самая... Принцесса стала мне волосы гладить. Я думал все-таки, что кое-что из моих стихов ей понравилось и она... одобряет, а она обняла меня за шею и говорит вдруг: «Поцелуйте меня!» Я немножко испугался и ушел. Потом она два раза вызывала меня к телефону...

Сама заезжала в экипаже... Кататься на Острова приглашала... Я один раз по слабости характера поехал, потом стал отказываться... Неприятно, знаете, когда человек все время говорит:

«Вы меня разбудили, вы меня разбудили».

– Да... неужели... она заезжала за вами?!

– Ей-богу.

– Но ведь эта... Принцесса... ленива, как сотня сытых кошек!

– Не знаю, что с ней случилось – совсем не такая, как первый вечер... Глаза сверкают, румянец во всю щеку и губы облизывает, как вампир, ищущий крови. Я ее даже, знаете ли, немного боюсь. Вчера вечером четвертую записку от нее получил. Звонит, пишет, заезжает...

– Что ж вы от меня хотите? – странным голосом спросил Меценат.

– Вы с ней... ближе знакомы, чем я. Посоветуйте, как всю эту историю ликвидировать? Чтобы было не обидно для нее и чтоб мне не терять мужского достоинства. Такая неприятность, знаете! В первый раз у меня это. Впрочем, простите, Меценат... но, может быть, мне было бы лучше посоветоваться по этому поводу не с вами, а... с Новаковичем, например? А то вы... какой-то странный!

– Нет, нет. Вы как раз обратились по настоящему адресу. Умнее ничего нельзя было придумать! А сделайте вы, чтобы выйти с честью, вот что... Возьмите портрет той особы, которую вы любите, напишите на обороте: «Моя невеста» – да и пошлите ей без всякого письма. Она поймет, и все кончится красиво.

– Вы думаете? А это... удобно?

– Чрезвычайно. Я вам советую, как лицо... не заинтересованное.

За портьерой вдруг послышался мужской смех, возня и крики:

– Да куда это они уединились?! Телохранитель! У Куколки с Меценатом секреты – не подкапывается ли Куколка под нас? Не хочет ли понизить наш курс в глазах Мецената?!

Кузя и Мотылек под предводительством Новаковича бесцеремонно ворвались в кабинет с одалиской и леопардом на стене и остановились, удивленные; на них в упор смотрели черные неподвижные глаза Мецената, и... никогда еще клеветы не видели такого странного взгляда.

– Простите, Меценат... Если вы еще не кончили, мы подождем.

– О нет! Мы уже свободны. Куколка читал мне по секрету свою новую поэму, и... это... оказалось... дьявольски сильная вещь!!

– Закончили поэму? – осведомился профессиональным тоном Мотылек.

– Да! Закончу, – твердо отвечал Куколка. – Сегодня же.

Глава XVI

самая короткая глава этой книги

В нарядном будуаре Веры Антоновны сидел Новакович, почти расплющив своим мощным телом хрупкий воздушный пуф, и говорил:

– Недоумеваю, за каким чертом Меценат не сам к вам явился, а послал меня. Такая простая вещь... Говоря кратко – он просит у вас отпуск.

– Какой отпуск? Боже, как это все... утомительно.

– Для нас? Нисколько не утомительно. Он собирается ехать на Волгу – от Рыбинска до Астрахани и обратно – и берет с собой Мотылька, Кузю и меня.

Вера Антоновна полузакрывает засверкавшие глаза и сонно спросила:

– Конечно, и Куколку берет?

– О нет! На что нам этот юродивый... Он забавен только в столице как объект Мотыльковых затей. Так как же... даете Меценату отпуск?

– О, Боже мой... когда же я его удерживала! Пусть едет. Желаю вам веселиться. Ох, как я устала!

Исполнив поручение, Новакович сидел и томительно молчал. Хотя был он человек разговорчивый, но знал – с мраморной статуей не разговоришься.

– Да... такие-то дела, – пробормотал он, собираясь встать. – Так-то, значит. Вот оно каково.

И вдруг странный вопрос Принцессы пригвоздил его к месту:

– Скажите, Телохранитель... Эта ваша знаменитая Яблонька – очень красивая?

– О, описать ее красоту так же трудно, как...

Вдруг его взгляд упал на одно место огромного ковра, покрывавшего пол, и фраза осталась незаконченной.

– Ну, чего ж вы замолчали? Говорите!

– Так же трудно описать Яблоньку, как...

– Ну?!

– Так же трудно... как...

– Боже, какой вы нудный!!

Но Новакович не слушал: он наклонил корпус и впился ястребиным взглядом в часть пушистого ковра около кушетки...

– Так же труд... Боже мой, да вот ее кусок!.. Что это?

Быстрее молнии он упал на колени и поднял запутавшийся между бахромой края ковра кусок фотографической карточки.

– С ума я схожу?! Ведь это часть лица моей... нашей любимой, неповторяемой Яблоньки! Глаз ее! Кусочек ее капризной нижней губки... Принцесса! Что случилось?

Принцесса вдруг уткнулась лицом в подушку, так быстро, что ее бурные, как черный вихрь, волосы разметались во все стороны. Поглядывая одним сверкающим глазом из этого водопада темных струй, она вдруг спросила сурово, почти грозно:

– Вы ее любите, Новакович?

– Правду вам сказать? Больше света Божьего!

– Так и ступайте вон! Дурак вы! И вообще все вы дураки!

Плечи ее затряслись, она конвульсивно изогнулась, как раненая королевская тигрица; она извивалась, заглушая подушкой еле слышные стоны.

– Истерика или нет? – спросил сам себя Новакович, вертя в руках обрывок карточки. – Пожалуй, что нет. С жиру бесится наша Принцесса! Нет, на истерику не похоже. Обыкновенный дождик без грома и молний. Что бы это значило?

– Уходите! Скорей!! Сейчас же... отсюда!

Он пожал плечами и на цыпочках вышел из комнаты.

Глава XVII крылья куколки

Меценат в одиночестве шагал по своей огромной гостиной, как дикий зверь в клетке, отталивая ногой стулья и делая такие резкие повороты, будто он оборачивался на чей-то невидимый удар сзади.

Но когда в дверь постучали, он отпрыгнул в сторону, повалился на диван и сказал равнодушным сонным голосом:

– Ну, кто там? Войдите. А! Ты, Кузя!

– Вы, кажется, спали? Я вас разбудил?

– Наоборот.

Кузя с треском опустил в свое обычное кресло и, не обращая внимания на загадочный ответ Мецената, погрузился в мрачное молчание.

– Что с тобой, Кузя? Кузя промолчал.

– Что-нибудь случилось?

Кузя помолчал и вдруг прорвался, точно вода из проткнутой гвоздем пожарной кишки:

– Меценат! Да ведь он форменный мошенник! Правда, я с вами проделал почти такую же штуку при первом знакомстве, но... я ведь профессионал! Мне простительно! А тут... это такое грязное животное!

– В чем же дело, Кузя? Ты сегодня разговариваешь так много, что из твоих слов я могу извлечь чрезвычайно мало.

– Проиграл!!

– В шахматы?

– А то во что же? Все свои личные деньги, да еще ваших малую толику прихватил, что вы давеча дали на покупку чемоданов! Уехали мы, чтоб его нечистый взял!!

– Проиграл?! Кому?

– Кому же, как не этому дьявольскому Куколке! Видали вы такого мерзавца?! Ясные детские глазки, серебристый, как у девчонки, голосок, а сам форменный бандит с большой дороги.

«Я, видите ли, дилетант (совсем непохоже передразнил Кузя), мне с вами, с маэстро, куда ж тягаться!.. Я давно не играл...» Не играл ты давно? Чтоб на том свете черти твоим черепом так давно не играли!! Показал он мне старушку в кадушке! Я ему свои гамбитики да дебюты пешки, а он... черт его знает, как парирует... Гляжу – ан королеве моей деваться и некуда! А на четвертой партии такой гамбит показал, что уж не знаю, как его и назвать... Гамбит Чертовой Куклы, что ли?! Меценат! Дадите свеженьких денег на чемоданы? Если нет, так выгоняйте уж сразу! Чтоб не мучиться.

По странному совпадению клеветы стали слетаться «на огонек» – один за другим.

Вторым влетел Мотылек:

– А я к вам на огонек... Куколки не было?

– Нет, этой Чертовой Куклы не было, – мрачно пробурчал Кузя.

– Почему Чертовой? – живо обернулся Мотылек. – Ты тоже, значит, все узнал?!

– Кое-что узнал... Мотылек завизжал:

– Ну, как вам это понравится!! Когда я нынче прочел, что издательство «Альбатрос» купило его книгу – лучшее издательство! – я чуть не упал на улице под копыта лошадей!! Болваны! Они моим заметкам поверили! Старушки в кадушках на подушках заскачут теперь по всей России!

Подумайте! Я собрал том стихов – ожерелье чистейшего жемчуга, – и это «ожерелье» валяется у меня в столе, мертвое, неподвижное, будто оно из свинцовых пуль, а этот болотный пузырь со своими «Зовами утра» выскочил и – пожалуйста!! Ну, пусть же книжонка его выйдет – хохот, треск и скандалище пойдет на всю Россию!! О, дурачье! О, трижды идиоты!!

– Кто трижды идиоты? – спросил Новакович, входя без стука и поймав на лету последнюю энергичную фразу.

– Пожалуй, что и мы. А ты из нас первый. Черт тебя надал притащить тогда эту чертову Куколку! Сколько я из-за него крови испортил!! Сидит он теперь на моем секретарском месте и небось смеется, подлец, в кулак. Ведь не будь его, меня бы снова, может быть, позвали в «Вершины» секретарствовать!

– Не будь его – я бы сегодня не проиграл кроме своих денег еще и Меценатовых чемоданов, – меланхолично добавил Кузя.

Новакович поглядел на Кузю с любопытством:

– Неужели Куколке проиграл? В шахматы? Однако! Да, вот что, Меценат... Я сейчас от Великолепной! Отпуск вам милостиво разрешен. Да-с, да-с, да-с... вы не можете, Меценат, объяснить мне одной дьявольщины: каким образом в будуар Принцессы попала Яблонька?! Вот кусочек ее спас. В ключья разорвана.

– Так это... Яблонька?! – ахнул Меценат, и тут же в душе вздохнул Меценат, и, забыв о собственных переживаниях, уныло пробормотал Меценат: – Бедный Телохранитель!

– Что вы там бормочете?

– Это я стараюсь догадаться, в чем дело! Действительно, за каким чертом попала карточка Яблоньки к моей жене? Да еще разорванная. Уж не приревновала ли меня Принцесса к Яблоньке?..

– Иначе я и не могу объяснить, – угрюмо пожал плечами Новакович. – Хотя вы ведь никакого повода не давали. А? Меценат?

– Ни малейшего.

– На обороте ничего не написано? – спросил Мотылек.

– Ах, я даже не посмотрел! Вот тут... Гм!.. Странно: «Моя не...» Дальше оторвано. Удивительная загадка!

– Почему ж ты не спросил у Принцессы?!

– Поди-ка спроси! Истерику у нее, у вашей Принцессы! Дураком меня назвала и выгнала, – с

досадой сказал Новакович.

Мотылек сморщил лицо:

– Мы с Принцессой почти сошлись во взглядах: она назвала тебя дураком, когда ты выходил от нее, я – когда ты входил к нам.

– Да почему же именно я дурак? Я от Куколки не потерпел урона, как ты с Кузей! Мы с Меценатом остались неуязвимы! Правда, Меценат?

Меценат, не отвечая, отошел в угол, уткнулся в него и, кажется, засмеялся... По крайней мере, плечи у него дрожали, как у смеющегося.

– Да, – искоса поглядывая на странно смеющегося Мецената, покровительственно говорил Новакович. – Ты сам, Мотылек, виноват в отношении Куколки. Заварил эту кашу с газетной рекламой, да и не знаешь, как ее теперь расхлебать. Как неопытный спирт, вызвать призрак – вызвал, а как теперь его спроводить обратно – и не знаешь. Теперь уж машина завертелась без тебя! Не читали интервью с Куколкой в «Вечерней Звезде»? Это уж помимо вас кто-то постарался. И где родился, и как родился, и почему родился, и все такое...

– Да ведь лопнет же все это! – завопил Мотылек. – Не может не лопнуть! Ведь если выйдет книжка – старушку в избушке никуда не спрятать. Черным по белому! А стоит только этой дурацкой старушке выглянуть из избушки, как все полетит к черту!

– Стучала я, стучала, – сказала, входя, Яблонька, – а вы так тут кричите, хоть из пушек пали. «Здравствуйте, разбойнички», – как говорит няня. А Куколки еще нет?..

– И вы насчет Куколки? – горько усмехнулся Новакович.

– Да... он мне сказал, что сейчас придет. Чего это вы все носики повесили?

Яблонька была по-прежнему ласкова и тепла, как солнечный луч, но наблюдательный Меценат заметил, что в ее ясных глазах мелькало какое-то легкое и милое смущение.

– Куколка, Куколку, Куколкой, о Куколке, – продекламировал Кузя.

В дверь постучали.

– А! Вот и Куколка. Комплект полный!

– Друзья! – с порога закричал Куколка. – Я так счастлив, так счастлив и за себя и за вас, Мотылек!! Вы снова можете занять ваше секретарское место!!

– Что такое? – с тайной радостью спросил Мотылек. – И вас так же «ушли» из редакции, как меня?

– Наоборот! Все складывается наилучшим образом. Помните, я вам говорил, что редактор переходит в ежедневную газету? И знаете, кого издатель пригласил на освободившееся место редактора? Меня! Премилейший человек. И подумать только, что всем этим я обязан вам!

– А правда ли, – спросил Кузя вместо Мотылька, который при последних словах Куколки странно хрюкнул, завалился за спинку дивана и затих, – правда ли, что «Альбатрос» издает вашу книгу?..

– Да, – сияя прекрасными светлыми глазами, радостно подтвердил Куколка. – Можете поздравить. Да у меня с собой, впрочем, и корректурные листы.

– Где?! – взвился из-за дивана, как пружина, Мотылек. – Покажите!!

– Да вот они. Я уже и корректуру продержал.

Мотылек лихорадочно, дрожащими руками рылся в длинных полосах бумаги и, странно дрожа, допрашивал:

– А старушка где? Старушка есть? А? Есть? Старушка в избушке? Где она? Куда вы ее тут засунули?..

– Я совершенно не понимаю, – искренно удивился Куколка, – почему вам так исключительно нравятся эти стихи? Я их сюда и не включал.

Мотылек подскочил к Куколке и принялся трясти его за плечи:

– Как не включили? Почему нет?! Ведь вы же написали эти стихи или не вы?!

– Я-то я... Но, спросите, когда? Это старый грех. Мне тогда было лет шестнадцать. Когда Новакович попросил меня прочесть в кафе тогда при первом знакомстве все мои стихи, я и стал читать их в хронологическом порядке. А он вдруг на этой самой несовершенной «старушке» неожиданно пришел в восторг, схватил меня за руку и потащил к Меценату. Да... дом Мецената

принес мне счастье, друзья! Но, впрочем, дело и не в литературных успехах. Гм! Теперь вы будете, господа, приятно поражены...

Куколка обвел всех восторженным взором...

– В доме Мецената я нашел самое большое счастье на земле. Позвольте, друзья, представить вам мою невесту!! Чего вы так краснеете, Яблонька? Через месяц наша свадьба, и мы едем во Флоренцию – буду там с вашего благословения новую вещь для «Альбатроса» писать. Роман в трех частях. Уже заказан.

Все окаменели. А Кузя подобрался бочком к комку странных морщин, под которыми с большим трудом можно было разглядеть черты Мотылька, и дружески шепнул ему:

– Подойди же, поздравь, дружище. А то неловко. У тебя лицо, как старый кисет, из которого вытрясли весь табак!

Потом подобрался к закрывшему лицо рукой, будто ослепленному Новаковичу и доброжелательно толкнул его в бок:

– Не горюй, чего там. Мало ли хороших женщин? Я, брат, недавно познакомился с одной – ну точь-в-точь как моя незабвенная вдова, которую вы так неделикатно называли «затрапезной», – хочешь, познакомлю?.. Так и быть, забирай ее себе. А я другую для себя пошарю.

Яблонька скорбно и виновато поглядела на Новаковича и вдруг заторопилась:

– Ох, ведь нам уже ехать нужно! Мы на минутку забежали. Вале еще нужно корректуру в типографию отвезти. Валя, поедem! До свидания, разбойнички.

Меценат и клеветы снова остались одни в большой мрачной комнате, окутанной тишиной.

Неслышными шагами вошла Анна Матвеевна и остановилась у притолоки, пригорюнившись:

– Ага! Вся гоп-компания в сборе... Чего это у вас темно так? Сидите, сычи какие словно, нахохлились. Небось коньячище опять хлестать будете, разбойники?! Сюда подать на ковре али по-христиански – в столовую?

Кузя подмигнул Меценату на Мотылька и Новаковича, совсем затушеванных сумерками, и, неслышно подойдя к нему, шепнул:

– Это, пожалуй, лучший выход из положения. А? Меценат? Коньяк!

Меценат вдруг подпрыгнул на диване и выпрямился – старый, дряхлеющий, но все еще мощный лев.

– Ну, ребята, нечего нюнить!! Гляди весело!! Ходи козырем! Выпьем нынче, чтоб звон пошел, а завтра айда к берегам старой матушки Волги – целой разбойничьей ватагой... Айда! На широкие речные просторы, на светлые струи, куда Стенька Разин швырял женщин, как котят! Ту-да им, впрочем, и дорога!

– Аминь! – восторженно закричал Кузя. – Долой Петербург, да здравствуют Жигули! Кальвия! Почествуйте волжскую вольницу!! «Что ж вы, черти, приуныли... Эй ты, Филька, шут! пляши!! Грянем, братцы, удалую – за помин ее души!»

заключение

О, могущественное Время! Будь ты трижды благословенно. Ты лучший врач и лучшее лекарство, потому что никакие препараты медицинской кухни не затягивают, не закрывают так благоговорно глубоких открытых ран, как ты, вечно текущее, седое, мудрое!

Читатель! Если ты через год заглянул бы в – уже так хорошо тебе знакомую – темную гостиную Мецената – ты тихо улыбнулся бы, увидев, что все на своем месте:

Меценат в одном углу, одетый в белый полотняный балахон, лепит новый бюст Мотылька, важно восседающего на высоком стуле, в другом углу возится со штангой, выбрасывая вверх свои могучие, будто веревками – мускулами опутанные руки Новакович; в глубоком кресле мирно покоемся, поедая апельсин, Кузя...

А у дверей стоит Кальвия Криспинилла и в тысячу первый раз кротко бормочет:

– Опять ты, разбойник, шкурки на ковер бросаешь?! Управы на тебя нет, на мытаря!..

Zoopot, 1923 г.